

A golden hourglass is the central focus, with a hand holding the top bulb. The background is a hazy, golden cityscape with a prominent tower. The overall tone is warm and atmospheric.

Євгені Лур'є

ПРОКЛЯТІЄ ТАФУСАЦІА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Михайлович Лурье

Проклятие Мафусаила

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56057508

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-05651-0

Аннотация

По Библии, Мафусаил жил 969 лет. Он был первым и самым известным долгожителем. На протяжении истории человечество ищет способ продлить свой век, но пока все еще далеко от прорыва в этом направлении. Но представьте, что эликсир жизни доступен уже сейчас. Как изменится наше общество, если долголетие можно будет просто купить? Фантастическая антиутопия «Проклятие Мафусаила» предостерегает: вечная жизнь – это не дар богов, а дьявольское искушение.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть I	5
1	5
2	37
3	59
4	88
5	112
6	139
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Евгений Лурье

Проклятие Мафусаила

Мафусаил жил сто восемьдесят семь лет и родил Ламеха.

По рождении Ламеха Мафусаил жил семьсот восемьдесят два года и родил сынов и дочерей.

Всех же дней Мафусаила было девятьсот шестьдесят девять лет; и он умер.

Первая книга Моисеева. БЫТИЕ, Гл.5, 25—27

Часть I

1

Арчи еще раз проверил показания датчиков мозговой активности и сердцебиения. Трое клиентов погружались вполне стандартно. Чтобы увидеть это, нужно было бы долго и внимательно следить за мониторами. Но он и без утомительных наблюдений знал, что частота сокращения сердечной мышцы у них постепенно снижается. По чуть-чуть. Запущенный процесс уже не остановить, и, в конце концов, ток крови прекратится совсем. В общем, все как обычно. Однако у Арчи вызывал легкое беспокойство четвертый, которого доставили только сегодня. У новичка будто бы и не собирались отключаться функции чечевицеобразного ядра. Кроме того, наблюдались легкая аритмия и слабое возбуждение нервной системы, несвойственные этой стадии погружения. Арчи посмотрел на часы – половина одиннадцатого вечера – и решил, что, пожалуй, не стоит беспокоить Профессора. Может, новичку хватит и дополнительной дозы тоназина.

В камере, которую они называли между собой морозилкой, за прозрачным стеклом в половину стены, на жестких металлических каталках лежали четверо мужчин. Их неподвижные голые тела были прикрыты тонкими, мятыми про-

стынками. Наружу высывались только обритые головы с прицепленными электродами и бледные – очевидно, от холода – ступни с синеватыми прожилками вен. То, что в камере стояла холодина, было даже хорошо – способствовало погружению.

В какой-то момент Арчи показалось, что веки новичка дрогнули, но он решил, что это обман зрения. Такого попросту не могло быть после всех введенных препаратов. Скорее всего, особенности нервной организации, а сознание его уже давно добралось до тех сказочных мест, которые он заказал. Все будет в порядке, убедил себя Арчи и ввел дополнительную дозу тоназина. Дождался, пока показания опустятся до нормальных, и вышел из операторской.

В коридоре мерцал дежурный свет. Проходя мимо двери, ведущей непосредственно в морозилку, проверил, запертали – на всякий случай. Ведь клиенты все равно не смогли бы даже сползти со своих каталок. Потом заглянул в морг. Здесь всегда стоял специфический запах, который вызывал тошноту, хотя давно следовало привыкнуть. Похоже, пришла пора напомнить Могильщику о его прямых обязанностях, а то скоро тела придется штабелями укладывать.

Шеф давно вынашивал планы, как лучше решить вопрос утилизации трупов. Его заветной мечтой был небольшой крематорий. Но где его обустроить? Густой черный дым, клубящийся из трубы, наверняка вызвал бы интерес, который им совсем ни к чему. Поэтому Могильщик пока мог не

опасаться за свое будущее – на его век работы хватит. Шефу не обойтись без такого виртуозного мастера в искусстве избавляться от тел. На памяти Арчи лишь пару раз случайные обыватели натыкались на безымянные останки. Впрочем, благодаря таланту Могильщика страшные находки так никогда и не связали с Шефом, а существование Лаборатории сохранялось втайне от правоохранительных органов.

Заперев морг, – не превращайся в параноика, Арчи! – молодой человек пошел переодеваться. Звук шагов отзывался эхом под сводами потолка. В этой ледяной могиле, если не считать клиентов в морозилке и тел в морге, он был совсем один. Ни одной живой души. Волей-неволей почувствуешь себя неуютно. Захотелось припустить бегом до раздевалки. Совсем как в детстве, когда опрометью неся по неосвещенному школьному коридору, шарахаясь от каждой кляксы тени.

В раздевалке Арчи снял белый халат, повесил в шкафчик, расправив складки. Никакой надобности соблюдать настоящие лабораторные порядки не было. Но Профессор настаивал на том, чтобы все следовало правилам. Арчи переобулся в ботинки с высокой шнуровкой, снял с вешалки уличную куртку, щелкнул выключателем и вышел в коридор.

Наверх вела винтовая лестница – такая тесная, что Арчи то и дело задевал правым локтем о бетонную стену. Поднявшись в тамбур, он несколько раз похлопал ладонью по рукаву, но след от побелки все равно остался.

Прежде чем покинуть тамбур, Арчи, следуя инструкции, перевел в положение «вкл» потайной тумблер охранной системы и прикрыл строительным мусором люк, ведущий к лестнице. Сделал несколько шагов назад, чтобы оценить маскировку. Вроде бы, все в порядке. После этого он толкнул металлическую входную дверь. Тяжелые петли громко скрипнули, и с улицы ворвался вихрь студеного воздуха, швырнув в лицо горсть снежинок. Арчи поднял воротник, ссутулился и вышел наружу.

Из сугробов поднимались черные стволы деревьев. Они раскачивались под резкими порывами ветра и скрипели, словно корабельные мачты во время шторма. Сквозь неплотно сомкнутые голые ветви небо, похожее на бездонный котел, подмигивало звездами.

По ощущениям мороз был сильный – не меньше двадцати градусов. Арчи с удовольствием накинул бы на голову подбитый мехом капюшон, но не был готов во имя тепла пожертвовать обзором и слухом. Лучше терпеть холод, чем неожиданно получить по затылку от ночных бродяг.

Арчи не поленился замести отломанной сосновой веткой свои следы вокруг тамбура, а затем по протоптанной собаководами тропинке выбрался на центральную аллею. Вдалеке, уже на самом выходе из парка, дрожал желтый конус света, отбрасываемый единственным работающим фонарем. Осмотревшись по сторонам, – никого, – Арчи потер ладони друг о друга и сообразил, что забыл перчатки в раздевалке

на батарее. Попытки согреть оцепеневшие пальцы собственным дыханием ожидаемо не принесли облегчения. Поэтому он просто засунул руки глубже в карманы и побрел, ориентируясь на свет фонаря.

Лаборатория размещалась в катакомбах, которые появились в парке Лесотехнической академии еще в прошлом веке. Теперь уже точно и не выяснить: то ли перед началом, то ли во время Великой Отечественной войны тут построили резервный командный пункт для командования оборонной Ленинграда. Пользовались ли им хоть раз по назначению или нет, Арчи не знал. Могильщик рассказывал, что уже после войны охрану с объекта частично сняли. За оградой из колючей проволоки остался только один из двух входов. Кто-то где-то не доглядел, и подземелье стало бандитским притоном. Чекисты неоднократно пытались выбить антисоветский элемент из катакомб, но каждый раз нарывались на серьезный отпор. Военные предложили самое простое и эффективное решение проблемы – затопить бункер, тем более что в обозримом будущем он вряд ли бы понадобился. Информация о жертвах в ходе этой акции так и осталась строго засекречена, а катакомбы на долгие десятилетия превратились в запечатанный резервуар с водой.

Свидетели тех событий давно умерли. Поэтому Арчи оставалось лишь гадать, как Шеф узнал про подземелье. Скорее всего, каким-то образом в его руках оказались ар-

живные документы. Через год после закрытия Лесотехнической академии Шеф решил, что настало время действовать. Самым трудным, как они и думали, было откачать воду и не привлечь внимания. Не обошлось без накладок. Загулявшая дотемна молодая парочка чуть не сорвала весь план. Вероятно, знакомство с Могильщиком и по сей день самое яркое и страшное переживание в их жизни.

Арчи обошел стороной освещенный участок под фонарем. Вообще здесь уже можно было и не таиться, но он делал чисто машинально. Пока пробирался через сугробы, снег все-таки набился за отвороты штанов и в ботинки. Выбравшись на дорожку, он несколько раз притопнул, чтобы стряхнуть его. До дыры в ограде осталось не больше тридцати метров, а за ней Арчи хорошо видел проспект, по которому время от времени проносились припозднившиеся машины. Он протиснулся между металлическими прутьями и, не заметив ничего подозрительного, пошел по проспекту по направлению к Светлановской площади.

Сразу за перекрестком с Ланским шоссе Арчи заметил патрульную машину, двигавшуюся ему навстречу. Поравнявшись с ним, жандармы немного сбросили скорость. Арчи заставил себя не поворачивать голову вслед за ними. Он слышал, как они поддали газу. Затем при развороте взвизгнули покрышки. Боковым зрением он вновь увидел их машину слева от себя. Они проехали чуть дальше и остановились у

обочины. Поскольку ничего другого не оставалось, Арчи, не сбиваясь с шага, приближался к неизбежному. Двери открылись, и двое патрульных вылезли наружу. Еще один остался на заднем сиденье – очертания его головы были видны через стекло. Водитель полез зачем-то обратно, а потом выпрямился, сжимая в руке автомат на ремне. Отработанным движением он закинул оружие за спину. В это время его напарник невысокого роста уже сблизился с Арчи и приставил правую ладонь к козырьку:

– Сержант Аббасов. Ваши документы.

Для сержанта Аббасов выглядел несколько старовато.

Арчи кивнул и полез во внутренний карман за паспортом. Замерзшие руки не слушались. От каждого соприкосновения кожи с металлической молнией казалось, что пальцы режут ножовкой. Наконец он достал ламинированную пластиковую карту и протянул жандарму. Тот, не сводя взгляда с Арчи, передал документы через плечо напарнику и бросил короткое: «Проверь». Водитель развернулся на каблучках и, прижимая локтем автомат, поспешил обратно к машине.

– Поздновато для прогулок. Не спится? – поинтересовался сержант Аббасов. Из его уст вопрос прозвучал как «нэ спыца». Южный акцент давал о себе знать.

Арчи неопределенно пожал плечами и шмыгнул носом, из которого текло.

– Да и погодка – так себе, – заметил он, пританцовывая на морозе.

– Вот-вот. Подозрительно.

– Да ничего подозрительного, господин сержант. Домой иду, вот и все.

Хлопнула дверца. На долю секунды сержант отвернулся – посмотреть через плечо – и снова уставился на Арчи. Света не хватало, но Арчи был уверен, что у жандарма пронзительные черные глаза. Даже пронизывающие, заглядывающие в самое нутро.

– Откуда?

– Что «откуда»?

– Домой идешь откуда?

– Оттуда, – Арчи неопределенно мотнул головой.

– Ты мне... – начал было сержант Аббасов, но осекся, чтобы забрать паспорт у водителя, переминавшегося с ноги на ногу у него за спиной. Тот наклонился к старшему по званию и прошептал что-то на ухо.

До Арчи долетали только окончания слов, но это было неважно. И так было ясно, что его пробивали по базе. Сержант Аббасов какое-то время задумчиво кивал, склонив голову к плечу. Пронзительные черные глаза просвечивали насквозь.

– Я спрошу еще раз, э-э-э...

– Арчибальд, – подсказал Арчи.

– Что за имя такое? Нерусский что ли? – подозрительно прищурился сержант.

Арчи прикинул, как давно предки Аббасова освоили рус-

ский язык, но вслух от комментариев воздержался.

– Русский. Мама так назвала. Нельзя?

Аббасов поджал губы.

– Почему нельзя? Можно. Назвать можно, как хочешь. А вот ходить поздно – нельзя. Нехорошо это. Подозрительно...

– Так ведь вроде отменили комендантский час, – попробовал возразить Арчи, но встретил тяжелый взгляд жандарма. – Простите, господин сержант, так получилось. Просто задержался.

– Задержался где? – не отставал Аббасов.

Арчи изобразил смущение. На «Оскар» рассчитывать не приходилось, но и стоял перед ним не самый искушенный ценитель актерского мастерства.

– Ну, чего за хвост тянешь?

– У подруги я был, господин сержант. У нее муж в отъезде. Сами, наверное, понимаете... – Арчи насупился, рассматривая собственные ботинки.

– Адрес?

– Тут недалеко, на Ланском, – и он назвал номер дома и квартиру Карины.

Сержант Аббасов лишь едва кивнул, а водитель уже опять метнулся к машине. Надо полагать, пошел проверять данные Карины. Арчи практически не волновался – она всегда подтвердит его дежурную легенду. Про отъезд мужа, правда, он зря приплел. Черт знает, где Игоря носит. Но вряд ли простым патрульным будет не лень выяснять еще и местонахож-

дение предполагаемого рогоносца.

Аббасов улыбнулся, не выпуская из правой руки паспорт и выбивая им причудливый ритм на костяшках левого кулака.

– Дворником, значит, работаешь, – заявил сержант.

– Работаю.

– И много платят?

– Ха-ха, отличная шутка. Копейки, конечно.

– Копейки, – задумчиво повторил за Арчи патрульный. –

А куртка, кажись, дорогая. Не на зарплату же купил, да?

Арчи только собрался объяснить, что куртку ему посчастливилось отхватить в секунд-хенде, но патрульный уже перестал улыбаться, деловито спрятал его паспорт в нагрудный карман и сделал шаг вперед.

– Спиной повернись! – приказал он.

На всякий случай Арчи поднял руки вверх, будто сдавался в плен, и выполнил требование жандарма. Тот очень бойко его обыскал, но ничего интересного для себя так и не нашел. Хлопнул по спине – мол, можешь повернуться.

– Ничего?

– Ничего, – с досадой признал сержант Аббасов.

В это время вернулся водитель. Он снова наклонился к уху командира и зашептал. Аббасов кивал и, еще не дослушав до конца, начал расстегивать карман, в который убрал документы Арчи. Он протянул обратно пластиковую карту, но, когда Арчи взялся за уголок паспорта, хватку свою не

ослабил.

– Далеко до дома?

– Дошел почти. Вот сразу за Светлановской.

– Так уж и сразу. Может, подвезти?

Уши, конечно, замерзли чудовищно, но Арчи не раз слышал, чем иногда заканчиваются ночные поездки в компании жандармов. Банальный грабеж – еще не самое худшее, что может произойти.

– Зачем же такие хлопоты, – ответил Арчи.

– Никаких хлопот, брат. Все равно в ту сторону. Поехали.

Сержант положил свою тяжелую руку на плечо Арчи, отбивая всякую охоту возражать. Пришлось плестись следом за ним. Его усадили на заднее пассажирское место справа. Рядом сидел третий патрульный. У него была лысая и бугристая башка. На коленях лежал автомат. С взведенным затвором, как отметил Арчи. Он пытался унять дрожь, но холод и кипящий адреналин не оставляли ему ни шанса.

– Замерз, что ли? – спросил лысый.

– Не без этого.

– Сейчас мы тебя согреем, – подал голос сержант с переднего пассажирского места и покрутил регулятор климат-контроля.

Арчи весь напрягся, опасаясь подвоха. Машина тронулась, но никто на пассажира не набросился. Что, впрочем, не означало, что этого не произойдет в любой другой момент. Расслабляться было рано.

– Слушай, – заговорил сержант, не поворачивая головы. – Что-то я у тебя мобильного не нашел. Опять странно...

Пользоваться мобильниками Шеф запретил в первую очередь. По ним легче всего отследить, говорил он.

– Ничего странного. Просто его у меня нет.

– Вот я и говорю, что странно, брат! У всех мобильники есть, а у тебя – нет. Непорядок!

– А зачем он мне. Живу я один, звонить некому.

– А подруге?

– Вы что, господин сержант! У нее телефон муж проверяет!

– И то верно, понимаю.

Машина свернула с проспекта, покрутилась немного по двору и остановилась возле подъезда Арчи. Неужели даже деньги не отберут? Едва оттаявшими руками он толкнул дверь наружу.

– Впредь будь осторожнее, Арчибальд. Аллах его знает, что может ночью в парке случиться.

Арчи почти вылез наружу, но тут замер. Аббасов не оборачивался и то ли делал вид, то ли действительно что-то настраивал в рации.

– Спасибо, что подвезли, – наконец сказал молодой человек.

– Проваливай уже, – буркнул водитель, а лысый промолчал.

Так, а теперь торопиться не нужно. Арчи медленно под-

нялся по ступенькам подъезда. Ему всегда было интересно, как это можно ощущать чей-то взгляд затылком. Похоже, теперь он узнал это чувство. Или нервы разыгрались?

Лифт не работал третью неделю. Когда Арчи остановился на своем седьмом этаже, вцепившись в перила, сердце колотилось, кажется, где-то между барабанными перепонками. И от волнения, и от физического напряжения. Восстановив ровное дыхание, он открыл дверь в квартиру, вошел и сразу же запер оба замка. Включать свет не стал, а, как был в ботинках, протопал на кухню, не обращая внимания, что оставляет за собой грязные следы. Из-за занавески осторожно выглянул во двор. Занесенная снегом детская горка, сломанные качели, забавный сугроб на месте скамейки и припаркованные драндулеты соседей. Патрульной машины не было.

По-прежнему в темноте Арчи прошел на противоположную сторону квартиры в комнату, прижался лбом к холодному оконному стеклу, но и на улице не увидел ничего подозрительного. Только на ветру трепыхался растянутый над проезжей частью баннер социальной рекламы «Хочешь увеличить срок дожития? Выбирай 48-часовую рабочую неделю!».

Налетев сослепу на кресло на колесиках, Арчи повернул его и сел, расстегнув куртку. Пальцы до сих пор не отошли с мороза. Дрожали. Он ткнул ногой в паркет и подкатился к рабочему столу. После щелчка по клавиатуре монитор осветился. Новых сообщений не появилось. Арчи уже занес ру-

ки, чтобы набрать сообщение Профессору и Шефу, но всерьез задумался, стоит ли поднимать панику из-за необоснованных подозрений. Теперь он уже не был уверен, что ему не послышалось, будто сержант упомянул парк. У Аббасова же имело место специфическое произношение. Но и оставлять совсем без внимания этот эпизод не следовало.

«Деток уложил. Оставил дежурный свет», – наконец отправил в чат Арчи. Чуть помедлил и добавил: «По дороге встретил волков, крутились недалеко. Чуть не покусали». Профессор напечатал почти сразу: «Взяли след?». «Не уверен, не думаю». «Отбой, думатель! Отдыхай пока, – появился Шеф. – Сами разберемся».

Много раз Арчи представлял, что о лаборатории становится известно правоохранительным органам. Шеф с самого начала предупредил, что рано или поздно это произойдет обязательно и нужно всегда держаться наготове. Вопрос лишь в том, чем жандармы смогут поживиться. «Для тебя, парень, главное – не попасть им в руки на месте, – сказал Шеф. – Отходные пути будут. За это можешь не беспокоиться. Обещаю». Арчи всегда сильно нервничал, вспоминая эти слова дяди. Время от времени на него нападали приступы паники, когда он представлял, как люди в бронежилетах и черных поблескивающих шлемах заламывают ему руки, а потом бросают в «одиночку» или, – что еще хуже, – в камеру, где битком сидят азиаты. Точно также он дрожал весь пер-

вый год, пока возил в холодильную камеру каталки с телами клиентов.

«Не забивай голову ерундой! – повторял Шеф. – Это их выбор. Вполне осознанный. Никто их не заставлял. Думаешь, им лучше жить своей жалкой жизнью? Мы им помогаем уйти счастливыми. Понимаешь, дурья твоя голова?!».

Профессор вполне доступно объяснил, как все происходит. Клиент погружается в глубокий сон и постепенно, в течение двух-трех суток, жизненные процессы в его организме замедляются. А потом наступает смерть. По всем статьям, это было бы хладнокровное убийство, если бы не одно «но»: в свои последние дни сознание клиента переживало удивительное путешествие, длиною в жизнь, по воображаемым мирам, смоделированным в соответствии с его пожеланиями. «Я сомневаюсь, что лучше тянуть лямку до пенсии, а потом ждать смерти, назначенной по сроку дожития», – повторял вслед за Шефом Профессор, шевеля лохматыми бровями. В такие моменты он напоминал диковинное насекомое. Пару раз Арчи хотелось возразить, что сам Профессор (да и никто другой в их компании) такой вариант ухода для себя всерьез не рассматривает. Но сдерживался, считая, что потерял такое право, согласившись на предложение дяди о работе.

С тех пор, как не стало мамы, Арчи предпочитал не загадывать далеко наперед. В общем-то, Шеф избавил его от забот о пенсии и сроке дожития: оформил на липовую долж-

ность, с которой ему капали гроши, но самое главное – дни жизни. Конечно, не бог весть что, поскольку у дворника коэффициент социальной значимости один из самых низких. Но на первое время, пока не накопит денег на учебу, и того достаточно. Иногда у него рождались неуютные мысли о том, сможет ли он выйти из дела, когда пожелает, но Арчи гнал их подальше.

Хотя прошел уже не один год, Арчи вновь и вновь задавался вопросом, почему его мать не обратилась за помощью к брату, однако ответа так и не нашел. Шеф мрачнел и менял тему разговора, стоило Арчи обмолвиться о матери. Что заставило ее смириться с сокращением и, не найдя новой работы, через полгода послушно отправиться в крематорий? Какая кошка пробежала между ней и Шефом? Ведь до самого своего конца она не желала слышать его имени, точно также как замыкалась, стоило сыну заговорить об отце. Арчи, оставшись один, понятия не имел, как жить дальше, поэтому и пришел к дяде. На счастье, тот оказался неожиданно доброжелательным и нашел, что предложить племяннику.

Из сна его вытолкнули одним рывком. Арчи открыл глаза и обнаружил, что лежит в одежде на нерастеленной кровати. За окном все еще было темно, и пришлось несколько раз моргнуть, прежде чем глаза начали различать очертания мебели в комнате. Он приподнялся на локте и повертел головой из стороны в сторону, пытаясь определить, что же его

разбудило. В этот момент звук повторился – громкий и настойчивый стук во входную дверь.

Сердце заколотилось, вторя этим ударам. Арчи взглянул на часы – начало третьего. Он осторожно, чтобы не создавать лишнего шума, поднялся с кровати и на цыпочках вышел в коридор. Мягко ступая по ковровой дорожке, приблизился к входной двери, и тут в нее снова постучали. Постучали с такой силой, что Арчи ощутил у себя на щеке движение воздуха. Он сдвинул в сторону металлическую пластину, закрывающую глазок, и облегченно выдохнул, увидев Профессора.

– Доброй ночи, Профессор, – сказал Арчи, открыв дверь.

Тот хмуро зыркнул из-под бровей и рявкнул:

– Какой, к чертовой матери, доброй! – и протиснулся в прихожую.

Арчи поспешил включить свет.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Он еще спрашивает! – возмутился Профессор. – Потасил бы я свой застарелый геморрой только затем, чтобы подоткнуть твоё одеяльце, как думаешь, Эйнштейн?! Конечно, что-то случилось! Немедленно одевайся, нам нужно торопиться!

Немного растерявшись от такого напора, Арчи дошел до комнаты, но сообразил, что это ни к чему.

– Да, в общем, готов.

– Тогда какого лешего мы еще тут топчемся! – вскинулся Профессор. – Марш вперед!

– В лаборатории что-то случилось? – обмирая, поинтересовался Арчи, но поймал бешеный взгляд Профессора и разумно решил воздержаться от глупых вопросов.

Он мог бы бежать по лестнице и быстрее, но, поскольку впереди тяжело переваливался по ступенькам гневно пыхтящий Профессор, приходилось время от времени задерживать шаг, чтобы случайно не наступить тому на пятки.

Дряхлые «жигули» стояли у самого подъезда. Арчи несколько дернул за ручку, но дверца не открывалась. Пришлось ждать, пока Профессор устроится на водительском месте и изнутри откроет заклинивший замок. Двигатель несколько раз чихнул, но все же завелся.

– Сработала сигнализация в камере, – уже более или менее спокойным тоном объявил Профессор, лишь немного повышая голос, чтобы перекрыть шум в дребезжащем на полном ходу салоне. – Если верить показаниям, новичок вышел.

– Что значит «вышел»? – у Арчи неприятно засосало под ложечкой и, кажется, покраснели уши. – Куда вышел?

Профессор покосился в его сторону и хмыкнул.

– Не куда, а откуда. Из сна он вышел, молодой человек, из сна.

– Но как? Ведь процесс погружения – необратим! – Арчи осекся. – То есть вы так всегда говорили.

Старик промычал нечто невразумительное и приник грудью к рулю, шурясь сквозь заиндевшее лобовое стекло.

Так он и молчал до того момента, пока не припарковал машину во дворе дома в квартале от входа в парк. Профессор выключил зажигание и повернулся к Арчи.

– Самостоятельно выйти невозможно. Почти невозможно. Есть одна хитрость, но я не представляю, кто мог о ней узнать. Так что этот вариант мы пока не учитываем. Поэтому... – он потянулся, открыл бардачок, достал оттуда черный матовый пистолет и протянул его Арчи, – держи.

Арчи поерзал.

– Ты чего? Бери.

Он отстранил руку, сжимающую ствол.

– Эх, чистоплюй, – вздохнул Профессор, покачал головой и уверенным движением засунул оружие под брючный ремень, накинув сверху свитер.

– Вы стрелять собрались? В кого?!

Профессор издал кричающий звук, жестом позвал следовать за собой и вылез наружу.

Когда международная группа ученых из молодой фармацевтической компании «Феникс» объявила о создании и серийном производстве новой сыворотки, замедляющей процесс старения человеческого организма, Триумвират Российский объявил на него государственную монополию. Никакой свободной продажи в рознице – только централизованные госзакупки у «Феникса» и распределение среди граждан. Впервые был провозглашен принцип социальной

справедливости: кто лучше работает, тот дольше живет. Каждой профессии и должности присвоили коэффициент общественной значимости, в соответствии с которым каждый гражданин по итогам года получал свою четко отмеренную дозу долголетия. Арчи помнил, как мать слушала последние новости по ТВ, зло фыркала, а потом не выдержала и замысловато выругалась, чего в присутствии сына обычно себе не позволяла. «Помяни мое слово, мальчик, это только начало», – со вздохом произнесла она. И, как это часто бывало, оказалась права. В соответствии с принципом социальной справедливости самые высокие коэффициенты получили чиновники. Следом за ними выстроились рядовые служащие. Прочие наемные работники, в том числе и мать Арчи, могли рассчитывать лишь на самую мизерную прибавку к сроку дожития.

Из кандидатов на вакантные места в госорганах можно было бы собрать полноценную армию. Образовались замысловатые в несколько уровней очереди из ожидающих своего часа, а размеры взяток за устройство на работу и продвижение по службе стремительно росли. Другие энтузиасты в это время спешно оформляли выездные документы, чтобы иммигрировать в Евроштаты. Однако Триумvirат бездействовал недолго: как только стало очевидно, что такими темпами скоро станет ощутима нехватка коренного населения, были введены выездные визы и для простых граждан границу закрыли.

«Профукали мы с тобой все на свете, – сожалела мать. – Помяни мое слово, вот теперь в этой богом проклятой стране начнется настоящий ад».

Не прошло и года, как пресс-служба Триумvirата объявила о запуске пенсионной реформы в целях достижения окончательной социальной справедливости. С этого момента была введена система накопительного пенсионного счета, который пополнялся бонусными минутами, часами, днями, неделями или месяцами жизни в зависимости от успехов на работе. Расходование счета начиналось в случае увольнения или выхода на пенсию. Обнуление счета означало гуманный и, конечно, безболезненный уход из жизни посредством инъекции, специально изобретенной для этих нужд. Отныне специальные комиссии решали, кто заслуживает премиальную дозу сыворотки.

Арчи не сомневался, что его мать ушла из жизни только потому, что неизвестному чиновнику, протирающему штаны в казенном кабинете, потребовалась прибавка долголетия. Подобная же участь была уготована многим соотечественникам – рано или поздно. Только наивный младенец поверил бы, что когда-нибудь «слуги народа» поделятся с обычными людьми бессмертием.

Клиентами дяди становились те бедняги, срок дожития которых подходил к концу. Это лучший исход для них, убеждал себя Арчи. Что им оставалось? Рискнуть и податься в бега в Зауралье, где, по слухам, в тайге обосновались поселе-

ния нелегалов? Если все правда, то там нужны только крепкие молодые ребята. Можно двигаться еще дальше, через Сибирь, в надежде найти филиал какой-нибудь китайской компании и, если очень повезет, наняться разнорабочим. На территории иностранных производств, благодаря двухсторонним соглашениям, тебя никакая пенсионная полиция не достанет. Конечно, сильно напоминает пожизненное рабство, но, говорят, китайцы к своим сотрудникам относятся довольно бережно, так что это отнюдь не худший вариант. Но опять же нужно оказаться достаточно молодым и полезным. Не говоря уже о том, сколько придется потратить денег, чтобы добраться в те края. Вот тут-то на горизонте и появлялся Шеф. Он предлагал несчастным уникальный шанс прожить еще одну жизнь перед смертью. Вернее, почувствовать. Зато такую жизнь, о какой ты мечтать не решался.

Профессор позаимствовал идею у писателя из прошлого, Филиппа Дика, которого очень ценил за пророческий дар. Арчи не знал, где искать нужный рассказ, поэтому пришлось перечитать кучу книг этого странного писателя. В истории, вдохновившей Профессора, герою внедряли в мозг ложную память, причем так успешно, что потом он не мог отличить реальность от вымысла.

Профессор долго возился с этой задачей, которая никак не хотела поддаваться. Начал он исследования еще в Институте мозга, но, поскольку в течение нескольких лет никаких обнадеживающих результатов не получил, его лабора-

торию лишили финансирования, а потом и вовсе закрыли. По старому знакомству его взял под крыло дядя Арчибальда. Первые реальные результаты оказались совсем как у писателя-фантаста: подопытные, выходя из управляемого сна, полностью теряли сцепление с реальностью и не понимали, в каком мире находятся. Вопреки всем стараниям Профессора, вернуть несчастным рассудок так и не удалось. Арчи как-то поинтересовался их дальнейшей судьбой, но Профессор только привычно пошевелил бровями.

Арчи подозревал, что, скорее всего, разработать методику постепенного угасания грезящих клиентов предложил дядя, когда понял, что мечтам об устройстве, с эффектом которого не сравнится ни один наркотик, не суждено сбыться. Деньги должны делать деньги. Поэтому пришлось срочно придумать что-то, чтобы они не были потрачены вхолостую. Возможно, Профессор догадывался, каким образом Шеф планирует использовать его изобретение. Возможно, старик даже сопротивлялся. Но в итоге принял предложение, и довольно скоро у них появилась действующая установка, которую, недолго думая, окрестили «Морфей».

Кроме ритмичного поскрипывания снега, в котором утопал по колено, и своего тяжелого дыхания Арчи не слышал ничего. Впереди среди кривых стволов маячила спина Профессора. Профессор, скорее всего, тоже выбивался из сил, но двигался с удивительной для своих лет целеустремлен-

ностью. Правда, Арчи не мог с уверенностью назвать точный возраст Профессора. Но почти наверняка изобретатель «Морфея» родился не меньше семи десятков лет назад.

Дело принимало нешуточный оборот, раз Профессор, наплевав на привычные меры предосторожности, попер напрямик, оставляя за собой явный след, пройти по которому не составило бы труда и ребенку. Арчи невольно обернулся, но никого позади себя не разглядел. Его по-прежнему беспокоила подозрительная встреча с патрулем. Но, по крайней мере, он успел предупредить Профессора и Шефа. В конце концов, пусть старшие товарищи ломают голову.

Дождаясь Арчи возле тамбура, Профессор энергично очищал ботинки и брюки от снега.

– Быстрее, юноша, быстрее! – подгонял он. – Ей богу, тебя обошла бы и смертельно раненая черепаха, а что уж говорить о таком спортсмене, как я!

Несмотря на нервное состояние, Арчи улыбнулся. Может быть, Профессор и злоупотреблял литературными оборотами в своей речи, но эта манера, свойственная людям старшего поколения, несколько не раздражала Арчи. Скорее, наоборот – ему нравилось слушать старика. Иногда его слова помогали забыть о том, что происходит вокруг. Но не сегодня.

Наконец Арчи выбрался из сугробов на утопанную площадку перед входом. Чтобы лишний раз не злить Профессора, он не стал тянуть время и сразу взялся за дверь. Но Про-

фессор все равно успел несколько раз театрально вздохнуть, прежде чем Арчи справился с замком. Когда они оказались в тамбуре, Профессор вытащил пистолет из-за пояса и щелкнул затвором.

– Объясните все-таки, зачем нужен пистолет.

– Если новенький вышел из сна, его сознание уже очень далеко за гранью, которую мы считаем нормальностью. Поверь моему богатому опыту, пистолет лишним не будет, – Профессор свободной рукой поправил очки на переносице. – И хватит уже болтать!

Арчи сбросил в сторону строительный мусор и открыл люк.

Профессор вытянул шею и повернулся ухом к проему. Хоть и сильно приглушенные, но даже сюда долетали громкие звуки из подземелья. Металлом били о металл.

– А ты говоришь, – пробормотал Профессор и крепче сжал пистолет.

– Думаете, это он? – спросил Арчи, но сам догадался, что сморозил глупость.

Он включил свет в шахте, пропустил вперед Профессора. Временами мерный стук металла обрывался; тогда Профессор останавливался и напряженно прислушивался. Потом удары возобновлялись, старик переводил дух, и они двигались дальше. Чем ниже они спускались, тем громче становился звук. Дверь он, что ли, ломает?

– Скорее всего, да, – бросил через плечо Профессор, и

Арчи сообразил, что произнес это вслух.

В нижнем коридоре он продолжал держаться чуть позади Профессора, то и дело оборачиваясь и всматриваясь в тени за спиной. Кроме очнувшегося клиента, беснующегося в морозилке, здесь никого не могло быть, но держать себя в руках с каждой секундой становилось все труднее. Арчи не покидали мысли о том, что если бы вместо самостоятельности с тоназином он сразу сообщил Профессору о необычных показателях новичка, возможно, теперь все мирно спали бы.

– Во время погружения ничего странного не заметил? – вдруг спросил Профессор, как будто Арчи продолжал размышлять вслух. Или старик научился и мысли читать?

Арчи, едва не споткнувшись на ровном месте, уставился себе под ноги. Вряд ли стоило тянуть дальше с признанием. Профессор обернулся с самым строгим выражением лица, какое Арчи видел. Смотреть строже умела только мама.

Профессор выслушал его молча, не перебивая. Сложив руки за спиной, старик качал головой и хмурился. После того как Арчи замолчал, Профессор опустил руку ему на плечо. Молодой человек вздрогнул – его не удивила бы и звонкая оплеуха.

– Никогда не бойся спросить, если чего-то не знаешь, – сухонькие пальцы больно вцепились в плечо. – Видишь, как потом все может запутаться...

– Может быть, обойдется? – Арчи чувствовал, что вновь говорит глупости.

– Ох, это вряд ли.

Профессор еще раз сдвинул пальцы, словно желая приободрить, а потом пошел к операторской комнате. У двери он обхватил рукоять пистолета обеими руками и попросил Арчи открыть замок.

За стеклом, отделявшим морозилку от оператора, совершенно голый высокий мужик размахивал стойкой, на которую раньше подвешивали пакеты с внутривенными инъекциями. Он использовал ее как таран, пытаясь справиться с дверью в коридор. Каталки лежали опрокинутые, а тела остальных клиентов замерли в неестественных позах на полу. Достаточно было одного взгляда на мониторы, чтобы убедиться: все трое мертвы. Встав на цыпочки и вытянув шею, Арчи увидел лужи крови и отпрянул. Новичок проломил им головы.

Профессор сел на место оператора, наклонился к мерцающему монитору и отложил пистолет в сторону. Новичок продолжал биться в дверь. Он не мог их ни слышать, ни видеть – стекло было звуконепроницаемым и с зеркальным покрытием с той стороны. Но Арчи все равно старался даже дышать тише.

– Как скверно-то, – пробурчал Профессор, изучая символы и числа на экране.

Стоило ему это произнести, как новичок за стеклом замер, занеся свое орудие для очередного удара, а потом резко обернулся и уставился прямо на них. Так показалось Арчи.

От неожиданности он отпрянул от перегородки. Казалось, налитые кровью бешеные глаза смотрят прямо на него.

– Я думал, он нас не слышит, – просипел Арчи.

– Я тоже, – шепотом отозвался Профессор. – Но он и хреновиной этой не должен размахивать.

Новичок прищурился и сделал несколько нетвердых шагов. Он случайно наступил на руку одного из трупов и чуть не упал, но, даже стараясь устоять на ногах, продолжал бурить взглядом стекло.

– Стекло противоударное? – спросил Арчи.

Ответить Профессор не успел – новичок широко размахнулся и впечатал стальную стойку в стекло. В воздухе раздался трагический звон, и мелкие осколки брызнули в операторскую. Арчи пытался увернуться, но что-то успело цапнуть его по лбу чуть выше правой брови. Профессор замер с раскрытым от удивления ртом, наблюдая за тем, как новичок уверенными и мощными ударами выбивает из рамы остатки стеклянной переборки. Безумец зловеще улыбался. Он погрозил им пальцем, измазанным в крови, и торжествующе произнес:

– Попались, голубчики!

Профессор слепо пошарил рукой по столу, но вместо того, чтобы схватить пистолет, смахнул его на пол. Услышав глухой стук, новичок подобрался, словно дикий хищник, и с завидной легкостью перемахнул через барьер, оказавшись буквально в метре от застывших Профессора и Арчи. Друг

от друга их отделял только пульт оператора.

– Без резких движений, – предупредил новичок.

Нервировать безумца Арчи не собирался, но, почувствовав бегущую по виску струйку крови, вытер ее тыльной стороной ладони. Однако тот сразу отреагировал и ткнул его железкой в живот. Больше от неожиданности, чем от боли, Арчи согнулся и хлопнулся на пятую точку.

– Сиди там тихо, сопляк! – прикрикнул сумасшедший и обратился к старику: – Ну, здравствуйте, гражданин профессор. Удивлены?

– Вы даже не представляете насколько, милейший.

Новичок ухмылялся, не выпуская из поля зрения обоих.

– Очень хорошо, гражданин профессор, очень хорошо. Удивлять – мое призвание.

– Что вы сделали с другими пациентами?

Профессор никогда не называл так клиентов.

– Какие пациенты? – переспросил новичок и продемонстрировал свою дикую улыбку. – Вы что-то путаете. Тут никаких пациентов нет. Только предатели родины, гражданин профессор.

– Это вы запутались, мой друг. А я очень хочу вам помочь. Но смогу это сделать, только если вы сами захотите того же.

– Разве, похоже, что мне требуется помощь, а? По-моему, она не помешает вам двоим.

– Вас нужно спасти от самого себя. От вашего безумия. Предупреждаю, если продолжите сопротивляться, лечение

пойдет насмарку, – Профессор говорил с ним как с капризным ребенком.

– Значит, это все – лечебные процедуры? – новичок расхохотался. – Вы, гражданин профессор, похоже, принимаете меня за умственно отсталого. Только напрасно. Я знаю, кто я такой и где нахожусь. Вас и ваших сообщников не ждет ничего хорошего. Сейчас мы ваше преступное гнездо разворошим!

Выждав удобный момент, Арчи попробовал дотянуться ногой до лежащего на полу пистолета, чтобы подвинуть ближе к себе. Ему не доводилось пользоваться огнестрельным оружием, но ситуация не оставляла времени для раздумий. Неизвестно, долго ли Профессор сумеет заговаривать зубы буйному психу. Тем более что пока и не очень получалось.

Новичок уловил движение и для острастки замахнулся. Арчи сделал вид, что не собирается причинять беспокойства, и тот успокоился.

– Как-то мне не очень без штанов. Не найдется чем прикрыться? – обратился безумец к Профессору.

Профессор слабо махнул рукой в сторону шкафчика на стене:

– Там... Полотенца...

– Сгодится. Ты, парень, поднимайся и принеси. Только без глупостей, понял?

Арчи кивнул и неуклюже поднялся на ноги. В шкафчике нашлось небольшое вафельное полотенце, которого голому

мужчине едва хватило, чтобы обернуть вокруг бедер. Арчи перевел взгляд на пистолет. Метра два, не меньше. Сколько это займет? А ведь еще нужно успеть прицелиться...

– Ты на что вылупился? – безумец прищурился. – Чего это у вас тут, граждане преступники...

Он быстро обошел пульт оператора, отбросил подальше в сторону металлическую стойку и поднял с пола пистолет. Умело проверил затвор, чем-то щелкнул и навел оружие сначала на Профессора, а затем на Арчи.

– Не знаю, что вы втемяшили себе в голову... – заговорил Профессор.

Новичок сразу его оборвал:

– Гражданин профессор, бросьте свои психологические штучки! Меня подготовили к любым вашим фокусам. Вы с подельниками, я смотрю, совсем страх потеряли. Думаете, что никто не в курсе. Ошибаетесь, преступнички! Мы давно за вами наблюдаем...

Со своего места Арчи не мог видеть лица Профессора, но заметил, как у него побелели костяшки пальцев. Сам молодой человек пребывал в растерянности. Он не знал, что делать. Слова новичка были всего лишь потоком бреда, порожденного миражами сознания, или правдой? Вспомнился сержант Аббасов. Может, неслучайно Арчи встретился с патрулем?

В этот момент за спиной с шумом ударила о стену распахнувшаяся дверь, и раздался короткий приказ Шефа: «На

пол!»). Арчи еще не сообразил, что к чему, когда получил сзади удар по ногам и стал валиться на пол. Падая, он увидел на физиономии безумца (или оперативника?) удивление. Рука с пистолетом слишком медленно двинулась по дуге, меняя цель, а потом прогрохотал выстрел и следом еще один. От первой пули голова человека резко дернулась, лицо как будто вмялось внутрь, а затылок взорвался красно-серым сгустком, похожим на плотное облачко странного дыма. Вторым попаданием новичку разmozжило левое плечо, отбросило на пульт, по которому уже мертвое тело медленно сползло на пол.

Шеф еще несколько секунд держал мертвеца на мушке, потом опустил дымящийся ствол и протянул Арчи руку:

– Вставай, времени в обрез!

2

Игорь по привычке сослался на срочную командировку и к вечеру не вернулся, так что Карина равнодушно разворошила вилкой остывший на тарелке ужин, почти задремала, принимая ванну, потом попробовала посидеть перед телевизором, но быстро почувствовала, как накатывает тоска и приготовилась отдаться в объятия Морфея. Только она успела закрыть глаза, как в гостиной заорал сигнал городского телефона. Карина выразительно простонала, с упреком посмотрела в потолок, словно где-то среди вычурных орнаментов скрывалось то единственное и невозможное существо, которое виновно в несовершенстве этого мира. Резким движением она откинула одеяло и прошлепала босыми ногами по холодному полу, проклиная Арчи с его конспиративными штучками. Беспокоить в столь поздний час могли только по его милости.

Прежде чем поднять трубку, она сделала глубокий вдох-выдох, а затем произнесла в микрофон своим самым томным голосом протяжное «алло». В этот раз на том конце оказался не сам Арчи, а какой-то неприятный мужлан. Она напустила на себя холодную надменность и сдержанно признала, что да, Карина Вечтомова, это она и есть. А в чем, собственно, дело?

Неприятный мужлан оставил без внимания ее надмен-

ность, а также проигнорировал и просьбу объяснить, что происходит. Он продолжал тараторить на причудливом диалекте, в котором даже хорошо знакомые русские слова звучали лишь чуть-чуть понятнее бульканья каши в кастрюле на плите. Тем не менее, Карина уловила, что именно он хочет услышать от нее, и подтвердила, что с Арчибальдом Полунинным очень даже знакома, а до какой степени близко и виделись ли они сегодня вечером, она говорить не станет, потому что замужней девушке таких вопросов не задают.

Как только мужлан отключился, Карина выругалась сквозь зубы и пообещала себе, что впредь Арчи не отделается парой кружек пива в их любимом кабачке на Петроградской стороне. В конце концов, сколько это может продолжаться?! Не школьники уже, пора прекращать играть в казаков, да и в разбойников тоже. Хорошо еще, Игорь смотрит на эти забавы сквозь пальцы. Или делает вид. К чему дразнить гусей... Или свиней? Нет, про свиней – это другая поговорка.

Она вернулась в спальню, забралась под одеяло и поежилась. Звонок перебил весь сон. К тому же, не смотря на некоторое раздражение, Карина не могла прогнать беспокойство. Опять Арчи влип в какую-то историю. Такое случалось не раз и даже не два. И всегда она ерзала как на иголках, дожидаясь, пока он вновь даст знать о себе, позвонит и скажет, что все в порядке.

Он не был каким-то исключительным хулиганом, но опре-

деленно обладал талантом попадать в неприятные ситуации. Сколько всего было, начиная с самых ранних лет... В детском саду Арчи угодил «на ковер» к заведующей, когда одна пылающая праведным гневом мамаша пожаловалась, что он распространяет среди сверстников скабрзные анекдоты. Анекдоты действительно были скабрзные, но очень смешные – это Карина помнила хорошо. В школе его постоянно сажали за парту перед учителем, поскольку на контрольных он норовил помочь соседям. А перед самыми выпускными экзаменами его чуть не отчислили за то, что подготовил трем одноклассникам сочинения на свободную тему и даже взял за это деньги, правда, небольшие. Лично Карина его не осуждала: родители тех лоботрясов состояли на госслужбе и отнюдь не бедствовали, а вот написать три разных сочинения – это настоящий подвиг. Дело не получило широкой огласки – директриса предпочла замять скандал, чтобы не портить показатели накануне отчетного собрания в РОНО. Но Арчи все равно это аукнулось. Он получил посредственные оценки, которые лишили его всяких шансов поступить на бюджетное место в институт.

А самый запоминающийся случай произошел на свадьбе Карины и Игоря: Арчи умудрился вывалиться за борт прогулочного теплохода. В тот момент рядом на палубе никого не оказалось. Оставалось лишь гадать, как ему удалось поскользнуться и перелететь через довольно высокие ограждения. Впрочем, все были пьяны и инцидент списали на чрез-

мерную дозу алкоголя (у Карины остались кое-какие подозрения, но она предпочла оставить их при себе, чтобы не ставить в неловкое положение ни себя, ни Арчи). В общем, ему не повезло, что выпал, но повезло, что почти сразу его заметил капитан встречного теплохода. С шутками и прибаутками Арчи вытащили из воды, нагнали свадебную посудину, где пропажу даже не успели заметить, и под дружный хохот мужчин и оханья женщин вернули к праздничному столу. Полчаса вся компания занималась поисками сухой одежды для Арчи. До самого конца вечера Карина периодически внимательно присматривалась к нему, а он, ловя ее взгляд, разводил руками и виновато улыбался.

Первый раз Карине пришлось обеспечить ему алиби осенью, через несколько месяцев после того, как они закончили школу. Телефон затренькал вот так же как теперь, где-то близко к полуночи. Катька спросонья села на кровати и, не разлепив веки, начала натягивать на себя одежду, потому что пора собираться на учебу. Из папиной комнаты донеслось недовольно ворчание на тему невоспитанности нынешних кавалеров. Карина укрылась одеялом с головой, чтобы никому не мешать. Грубый казенный голос объявил, что этот номер дал задержанный Арчибальд Полунин. Упомянутый гражданин Полунин подозревался в незаконном проникновении на территорию охраняемой парковки на улице Школьной и причинении ущерба двум автомобилям марки «Лексус» и одной машине марки «Хаммер», принадлежащих

сотрудникам управы Приморского района. Подозреваемый был остановлен патрулем недалеко от места происшествия через 10 минут после вызова, поступившего на пульт дежурного. Охранники стоянки не смогли опознать преступника, поскольку видели его только со спины. Сам Полунин заявил о своей невинности и для подтверждения алиби попросил связаться со своей знакомой, Кариной Вечтомовой. В жандармерию ее пригласили к девяти часам, но она решила не ждать утра.

В прихожей, пока она одевалась, разыгралось настоящее Бородино, в ходе которого было трудно определить не только, кому из них, Карине или отцу, присудить победу, но и кто из них метит в Наполеоны. Не смотря на мощный натиск отца, который не преминул напомнить об опасностях подстерегающих одинокую девушку в столь поздний час, она отстояла право поступать так, как считает нужным. Папа потребовал докладывать обо всех ее передвижениях. Карина заверила, что будет осторожной, и поклялась, что с ней ничего не случится. Что может грозить девушке, вооруженной такой штуковиной, а, папа? В подтверждение своих слов Карина пару раз показал ему стрекочущую синюю дугу электрошокера. Папа вздохнул и заметил, что в их-то время все было заметно проще. Она фыркнула и пообещала никого не убивать.

Она сильно нервничала, но сдерживала волнение где-то на уровне диафрагмы, из-за чего голос низко вибрировал. На

ее удачу разговор с дежурным следователем вышел достаточно коротким. Она изложила версию, которую Арчи предусмотрительно заставил ее выучить неделей ранее. Следователь был явно разочарован тем, что ее показания слово в слово совпали с протоколом допроса задержанного Полунина. Он без энтузиазма напомнил об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, но Карина и тут проявила твердость.

С тех пор повелось, что при необходимости Карина изображала любовницу Арчи. Хотя, справедливости ради, не так уж часто ему требовалась ее помощь.

Карина ворочалась с бока на бок, заворачивалась в одеяло, клала руку на соседнюю подушку, где обычно покоилась голова мужа, но никак не могла найти удобного положения, чтобы успокоиться и уснуть.

Игорь ушел по краю обрыва слишком далеко. Пришлось снять босоножки и бежать. Хвоя покалывала ступни. Она хотела окрикнуть его, но слова застряли в гортани. Карина закашлялась, согнулась, прижимая руки к груди, и выплюнула себе под ноги его имя, на которое сразу налипли выцветшие пожелтевшие иголки и зола, покрывшая обрыв. Замешкалась буквально на мгновение, но этого хватило, чтобы спина Игоря скрылась за поворотом.

Ей стало очень обидно, захотелось плакать, но плакать было некогда. Она торопливо подняла с земли имя мужа,

отряхнула и спрятала в карман. Карина бежала туда, где обрыв изгибался, следуя за руслом реки. Добравшись до поворота, она вспомнила, что забыла босоножки, а без обуви ее не примут в приличном обществе, и Игорь, наверняка, расстроится. Она закусил губу от досады. Не возвращаться же, придется как-нибудь выкручиваться. Сейчас главное – догнать его, пока не ушел слишком далеко. Она миновала поворот, но впереди, насколько хватало глаз, никого не было. Она даже вскрикнула от отчаяния. Совсем по-детски. Будто ей снова семь лет и младшая сестра отбирает мяч. В приступе зарождающейся злости Карина капризно топнула ногой, земля под ногами дрогнула, поплыла в сторону и обрушилась вниз, увлекая ее за собой.

Прохладная вода обхватила, закружила, сомкнулась над головой и неумолимо потащила. Карина отчаянно сопротивлялась, рвалась вверх, загребала руками и молотила ногами, но река не хотела ее отпускать. Блики играли по поверхности совсем рядом, но оставались недостижимы – как звезды на бледном рассветном небосклоне. Силы покидали ее.

Вдруг кто-то уверенно схватил ее за запястье, резко потащил вверх, и не успела Карина опомниться, как ощутила себя на дне лодки, прижимаясь щекой к влажной и шершавой древесине. Она никак не могла рассмотреть, кто же ее спаситель, который сидел к ней затылком и сильно налегал на весла. Ей хотелось, чтобы спасителем оказался Игорь, но было ясно, что это не он. Стало грустно, на мгновение она

даже захотела прыгнуть обратно в стремительный поток.

Карина осознала, что на уши давит угрожающий, неукротимый рев, не умолкающий ни на миг. Только теперь она сообразила, что человек на веслах изо всех сил гребет против течения, которое несет их к водопаду, но победить мощь потока было не в его власти. С той стороны, где обрыв, пристать к берегу было невозможно. Зато другой берег был пологим и пустынным. Почему спаситель не гребет туда? Карина осторожно похлопала человека по плечу. Не переставая грести, он повернулся в профиль, и она его узнала. Арчи! Конечно же, как она сразу не догадалась... Арчи покачал головой и сказал, что туда им нельзя, потому что это не тот берег, а другой, не для них. Уж лучше водопад. Его слова показались ей бредом, и она заколотила кулаками по его спине. Однако он не собирался следовать ее совету. Арчи развернул лодку по течению. Зачем вытаскивать ее, если впереди водопад? Он протянул руку, но Карина отстранилась. Его губы обещали, что все будет хорошо. Она повернулась и смело встретила искрящуюся ледяную пыль, в которую превратился весь мир.

Карина провела пальцами по лбу, словно стирая капли воды из сна. Кожа и правда была влажной. От пота. Пижама тоже промокла. Выбравшись из-под одеяла, Карина посмотрела на мерцающий циферблат в нижнем углу ТВ-панели – было полседьмого утра. Она потянулась за пультом и только

тут поняла, что в квартире не одна: с кухни доносилась какая-то возня.

Как и следовало ожидать, на кухне хозяйничал супруг. Деловой костюм был изрядно помят, рубашка выбилась из-под ремня, галстук распушен. Да и сам Игорь выглядел не лучшим образом – глаза покраснели, на щеках проступила щетина. Даже не входя, Карина уловила стойкий запах перегара и поморщилась.

– Завтракать пора, как считаешь? – невозмутимо поинтересовался Игорь.

Карине редко удавалось сердиться подолгу, но и сразу отступить было бы неправильно с педагогической точки зрения.

– Я считаю, что порядочный муж не должен шляться всю ночь черт его знает где.

– Очень, очень правильное суждение, дорогая, – Игорь повернулся к холодильнику, открыл и стал выкладывать на стол масло, ветчину, творог, сок и яйца. – Я действительно не должен был выдумывать про командировку...

– Гад.

Она развернулась на пятках и скрылась в ванной. Почистив зубы, Карина вернулась. Игорь глубокомысленно созерцал выставленные на стол продукты.

– Мне нет оправданий, ты права. Но! – он наставил на нее указательный палец. – Но ведь это моя единственная слабость!

– Одна, но пламенная страсть... – продекламировала Карина.

Поставив сковороду разогреваться на плиту, она взялась нарезать ветчину. Игорь зашел со спины и попробовал обнять ее, но Карина передернула плечами и отмахнулась.

– Я бы на твоём месте была осторожнее. Сильно рискуешь! – она погрозила ему ножом.

Супруг изобразил испуг, отступил и попробовал сесть. Карина его остановила:

– Марш в душ, неряха! А я пока все приготовлю.

– Ангел! Во плоти, – он завел глаза к потолку в немного наигранном восхищении.

Проходя мимо, Игорь чмокнул ее в щеку.

– Только кто-то слишком часто испытывает мое ангельское терпение, – проворчала Карина. – А оно далеко не безгранично!

– Это последний раз!

Ей очень хотелось бы верить, что он говорит правду, но она слишком хорошо знала привычки супруга.

Игорь, с удовольствием отфыркиваясь, вышел из ванной, а на тарелках уже дымилась яичница с ветчиной. Кофеварка пытела, распространяя по кухне приятный аромат.

Карина дождалась, пока супруг прожует первый кусок.

– Ну?

Он поднял глаза.

– Что «ну»?

По тому, как Игорь старательно не отводил взгляда, можно было обо всем догадаться и без ответа.

– Только не нужно юлить. Много?

Игорь осторожно отложил вилку.

– Умеешь ты так сразу – с небес на землю. Может быть, я выиграл. Откуда тебе знать?

– Тогда ты не стал бы втихаря пробираться на кухню.

– Все-то тебе про меня известно, – кисло улыбнулся Игорь. – Ты не поверишь, конечно, но вот буквально самую малость осталось отыгаться! Чуть-чуть остался в минусе!

– Лучше даже не начинай! – Карина погрозила ему кулаком. – Проиграл – и проиграл. Только не нужно врать, что у тебя внеочередная командировка.

Муж приложил руку к груди.

– Прости. Мне очень стыдно.

– Это правильно. В следующий раз будешь думать, что для тебя важнее, дорогой.

Игорь ковырнул вилкой яичницу.

– Я, конечно, азартный человек. Но не до такой степени, чтобы поставить на карту наше с тобой будущее. Просто... Я уже говорил: покерные турниры, в своем роде, часть корпоративной культуры. Если их игнорировать, очень скоро я могу оказаться не у дел. Ты даже не представляешь, какие вопросы решаются во время игры!

Карина замотала головой, давая понять, что не хочет больше это обсуждать.

После выпуска утренних новостей она начала нервничать. Обычно Арчи перезванивал с самого утра. В телефоне раздавался его нарочито бодрый голос, он благодарил за помощь и назначал свидание в кабачке на Петроградской. Но не в этот раз. Вот уже пора было собираться на работу, а от него – ничего. Черт бы побрал его нелюбовь к мобильной связи! Оставив яичницу недоеденной, она пошла в прихожую и набрала по городскому телефону домашний номер Арчи, который он все-таки сохранил за собой. Прошло гудков двадцать, не меньше, но трубку никто не снял.

Карина быстро собралась, сократив ежедневный ритуал до минимума – только подвела брови, нанесла тушь на ресницы и нарумянила щеки.

– У тебя есть шанс загладить свою вину, – объявила она, входя в кабинет мужа.

Он прикрыл ноутбук и просиял.

– Я готов поторговаться.

– Сейчас нет времени на эти глупости. Просто, разреши мне взять твою машину.

Игорь нахмурился.

– Это еще зачем?

– Нужно съездить в одно место перед работой.

Игорь ждал объяснений, поэтому Карине пришлось все рассказать.

– Я боюсь, с Арчи что-то случилось, – заключила она.

– Опять ты изводишь себя из-за этого авантюриста, – в го-

лосе Игоря отчетливо звучали нотки раздражения. – Пойми меня правильно. Ты же знаешь, я не против вашей дружбы. До тех пор, пока это ограничивается вашими посиделками и прочими невинными глупостями. Но эти ночные звонки... Ты вообще знаешь, чем он занимается?

Карина вздохнула и покачала головой.

– Может, он людей на улице грабит!

– Ничего такого. Я бы знала.

Игорь поднялся из-за стола.

– Она бы знала! – передразнил он. – Незнание, дорогая моя, если ты забыла, не освобождает от ответственности перед законом. Как миленькая отправишься следом – за соучастие.

– Господи, что за чушь! Арчи – не преступник. Я всего лишь хочу убедиться, что он просто забыл перезвонить.

Она была уверена, что Арчи ни за что не забыл бы.

– Машину я тебе не дам, – строго сказал супруг. – Сам отвезу, раз это так важно для тебя.

Она подошла и поблагодарила его поцелуем.

– Тебе точно можно за руль? – спросила она, устраиваясь на переднем пассажирском сиденье его BMW. – Ведь всю ночь пил.

– Ерунда, – отмахнулся он и завел двигатель.

Игорь несколько раз уточнил у Карины, куда сворачивать. Она отвечала машинально, думая о том, что же могло про-

изойти с Арчи. Она убеждала себя, что в самом худшем случае его просто забрали в отделение. Пусть даже побили. Но вряд ли ему могли предъявить что-то большее, чем вредную привычку шляться допоздна.

Во дворе дома Арчи пара ветхих старушек в светящихся оранжевых спецовках, выбиваясь из сил, убирали снег с пешеходных дорожек. При появлении иномарки они дружно выпрямились и внимательно проследили, как машина огибаёт детскую площадку в поисках свободного места. Игорь с нескольких попыток все-таки втиснулся между двумя «жигулями». Одна бабулька сказала что-то напарнице, и они обе перекрестились.

Игорь остался в машине.

Дворничихи провожали Карину недобрыми взглядами. Ход их гневных мыслей представить было нетрудно: вот, сучка продажная, в норку вырядилась, на трофейной машине разъезжает и от таких, как мы, простых смертных, нос воротит. Когда Карина впервые поделилась своими подозрениями, что обыватели ненавидят их, Игорь попросил не сгущать краски, мол, ничего подобного не существует в природе, а если существует, то не заслуживает и толики ее переживаний. Она поддалась его увещеваниям и заставила себя привыкнуть к злым взглядам, но то и дело ловила себя на том, что ходит, как по минному полю.

Карина поднялась по ступенькам и набрала на домофоне номер квартиры Арчи. Протяжное пиликанье разносилось

по всему двору. Ей казалось, что все жильцы дома замерли у своих окон и с укоризной смотрят на нее. Испытание продолжалось целую вечность.

Не дождавшись ответа, она собралась возвращаться к машине, но тут дверь открылась, и наружу вышел мальчик, замотанный в шарф до самых бровей. Следом за ним волочился понурый пес – бассет-хаунд с седыми бровями. Пропустив их, Карина вошла в подъезд. Лифт не работал. Пришлось подниматься пешком. Минуя последний пролет, Карина уже забыла о морозе и расстегнула шубку. Толком не отдышавшись, она несколько раз нажала кнопку звонка, услышала, как в квартире разлетелся его перезвон, и для верности постучала еще кулаком в дверь. В ответ не раздалось ни звука. Она настороженно прислушалась, но тут в кармане завибрировал мобильник. Это был Игорь.

– Срочно уходи оттуда!

– Что случилось?

– Немедленно! – сорвался он на крик.

Карина убрала телефон и неторопливо пошла вниз, потому что спускаться по лестнице на шпильках-каблуках – задача не из простых.

Внизу громко хлопнула дверь и послышался топот нескольких человек. На бегу они что-то обсуждали. Карина выглянула в пролет и увидела, что навстречу поднимаются четверо жандармов. Она даже не успела испугаться и, стараясь не дышать лишний раз, прижалась к стене, чтобы пропу-

стить их. У каждого из них при себе имелся автомат.

На негнущихся ногах она продолжила спускаться и столкнулась с еще одним типом. Он был похож на выходца из кавказских республик и одет в штатское, но казенную рожу ни с чем не перепутаешь. Она ускорила шаг и выскочила из подъезда. Колючий от мороза воздух вцепился в пылающие щеки.

Перед домом стояли две машины с синими полосами на бортах. Вокруг околачивался патрульный. Он курил, держа сигарету огоньком в кулак.

Карина с независимым видом направилась к машине мужа. Только теперь ей стало по-настоящему страшно. В любой момент она с ужасом ожидала начальственного окрика.

Игорь был бледен и пальцы его дрожали. Наверное, впервые в жизни он промахнулся, переводя рукоятку коробки передач из режима стоянки в драйв, и чуть не сдал задним ходом в бампер соседней машины. Он выругался, смахнул со лба пот и наконец смог выехать на дорожку. Они едва разминулись с перегородившими проезд патрульными машинами. Карина посмотрела в боковое зеркало и увидела, как жандарм вскинул руку на уровень глаз. Она не сразу сообразила, что он фотографирует их номерные знаки.

Игорь вел очень нервно. Карина опасалась, чтобы их не занесло на очередном повороте или не остановили постовые. Но все обошлось: они добрались до школы целыми, невредимыми и вовремя. Супруг отстегнул ремень и буркнул: «Минутку». Приоткрыв дверь, он высунулся, и его вырвало на

снег. Чтобы не слышать, Карина включила радио. Она отвернулась, борясь с накатившим приступом тошноты, и опустила стекло.

Закончив, Игорь достал из бардачка одноразовые салфетки и бутылку воды. Вытер губы и подбородок, а затем прополоскал горло.

– Жвачка есть? – неожиданно спокойным тоном поинтересовался он.

Карина порылась в сумочке и протянула ему упаковку. Игорь поблагодарил и взял сразу две пластинки. Карина с неудовольствием заметила, что он громко чавкает.

– Мне пора идти. Уроки вот-вот начнутся.

– Конечно. Буквально минуту потерпи. Уточню только один момент: это ведь за твоим, мать его, Арчибальдом пришли, да?

Карина пожала плечами.

– Похоже на то.

Игорь стукнул ребром ладони по рулю.

– Сколько же раз я просил не вмешивать нашу семью в его игры?!

Вопрос был риторическим. Она отстегнула ремень безопасности.

– Стой! – прозвучало как приказ. – Я еще не закончил.

– Что еще?

– Он сам был там?

– Нет. Мне никто не открыл.

– А жандармы? Они тебя видели?

– Да.

– Это очень, очень плохо. Теперь-то ты видишь, что я был прав? Твой дружок явно замешан в чем-то криминальном!

– Хватит уже причитать, – не выдержала Карина. – В конце концов, ты-то чего трясешься?

– Много ты понимаешь! Как будто они будут разбираться, кто и в чем замешан...

Карине надоело слушать, и она вылезла из машины.

– Не вздумай к нему еще ходить! Забудь про Арчи!

Она услышала, но не обернулась и не сбилась с шага. Эх, Игорь, Игорь...

Во время уроков Карина пыталась сосредоточиться, но безуспешно. История возникновения Триумvirата Российского никогда не вызывала у нее энтузиазма, а сегодня – особенно. Как это описано в учебнике, рекомендованном Минобром: «Деградация сдвоенной вертикали власти привела к полному уничтожению системы сдержек и противовесов, из-за чего все государство потеряло устойчивость. Правительство страны осознало необходимость реформ: институт президентства утратил легитимность в силу невозможности сбалансированного управления государством. Вместо одного лидера Россия получила трех, каждый из которых наблюдал за тем, чтобы двое других не злоупотребляли полномочиями...». Чушь несусветная, одним словом.

Карина заучила тугие формулировки и повторяла их своим ученикам, хотя не верила, что насильно пригнанные друг к другу слова хотя бы отдаленно отражают реальное положение вещей. Она знала по рассказам отца, что вертикаль затрещала по швам после неожиданной и скоропостижной смерти Вождя. После его кончины страну начали рвать на части семейные кланы приближенных к трону. От всеобщего краха спасло лишь то, что три ключевые группировки – силовики, законники и финансисты пришли к соглашению. В минобре, естественно, не считали нужным рассказывать о таких тонкостях неокрепшим юным умам, а кто Карина такая, чтобы спорить с ними?

Но Игорь, Игорь... На душе становилось тошно, стоило вспомнить его трясущиеся руки. Черт с ними, с руками! Трясущаяся нижняя губа и капельки слюны, летящие на лобовое стекло, когда он выплевывал трусливые слова, – вот что было действительно омерзительно!

Беспокойство нарастало, а уроки тянулись безнадежно медленно. С детства же знаешь, что чем чаще смотришь на часы, тем медленнее идут минуты. Но она все равно то и дело вскидывала руку, чтобы взглянуть на время. Иногда ее сковывал страх, что вот сейчас распахнется дверь кабинета и войдут люди в форме. Она бросала настороженные взгляды на лежащий на столе мобильник, как на притаившееся опасное животное, готовое нанести смертельный удар. Но ничего не происходило. И от этого мучительного ожидания стано-

вилось хуже.

Не было смысла ломать голову, что именно произошло, почему жандармы ищут Арчи и куда он вообще исчез. Потому что у нее не было ни малейшей зацепки. В одном она была уверена: Арчи не может быть преступником.

После занятий она задержалась, пока двое дежурных учеников наводили порядок в кабинете. Можно было потратить это время с пользой – начать проверять тетради с самостоятельными работами. Но Карина, сцепив руки, просто сидела за своим столом и смотрела прямо перед собой.

Троллейбуса пришлось ждать минут десять, притоптывая от холода. Внутри салона оказалось немногим теплее, чем снаружи. Окна покрылись плотным слоем инея – не разглядеть, где выходить. Карина поскребла стекло ногтем и расчистила небольшой овал, чтобы не проехать мимо нужной остановки.

Во двор Карина заходила с таким видом, словно тут и жила. На детской площадке двое мальчишек раскачивались на скрипящих качелях. Утренний седой пес барахтался в сугробе поблизости. Карина присмотрелась и признала в одном из мальчишек закутанного хозяина бассета.

Площадка перед подъездом Арчи была сильно вытоптана. Вокруг полупустой урны чернели многочисленные окурки. Карина остановилась, не зная, что, собственно, делать дальше. Звонить в домофон кому-нибудь из соседей Арчи?

Пока она замерла в нерешительности, мальчик, поправ-

ляя шарф, помог выбраться из сугроба бассету, и они побрели к подъезду. «Пошли», – обронил мальчик, проходя мимо Карины. Она не была уверена, к кому он обращался – к ней или своему псу, но проскользнула следом.

Она медленно поднялась на седьмой этаж. Задерживая дыхание, она прислушалась. На лестнице было тихо.

Замок 76-й квартиры был безжалостно выломан. Дверь была залеплена поперек бумажной лентой, на которой красовались печать с трехглавым гербом и размашистая подпись. Карина подцепила край ленты ногтем. Один конец сразу оторвался. Она потянула ручку вниз и приоткрыла дверь, оставив узкую щель, к которой приникла ухом. Если внутри кто-то и был, то он не собирался подавать признаков жизни. Карина сосчитала до трех и протиснулась в прихожую. Времени было уже начало пятого, и в квартире сгущались сумерки. Глаза постепенно привыкли к темноте. Карина заглянула в комнату Арчи и убедилась, что никого нет. В глаза бросались следы грубого обыска. Смятое постельное белье сбросили на пол, а на белой простыне оставили четкий отпечаток рифленой подошвы. Книги свалили кучей в центре комнаты. Створки платяного шкафа оставили нараспашку. Компьютер, похоже, унесли – от него остались только оборванные провода.

Карина подняла белье с пола.

Хлопнула входная дверь.

Карина резко выпрямилась.

Щелкнул выключатель, и в комнату упал свет из прихожей.

Сердце колотилось как бешеное. Глубоко внутри у нее трепыхалась надежда, что это Арчи вернулся. Бежать было некуда, поэтому она откинула волосы со лба и смело вышла в коридор.

В дверях стоял тот самый тип в гражданском, с которым она столкнулась утром на лестнице. На губах его расплзлась мерзкая улыбочка.

– Добрый день! – издевательски поклонился он. – Я так понимаю, Карина Вечтомова?

3

Арчи проснулся от холода и стука собственных зубов. Он попробовал устроиться под неплотным одеялом, как в коко-не, но все, с чем соприкасалась кожа, казалось влажным, ледяным и шершавым. Он резко сел на кровати и прищурился, всматриваясь в плотный предутренний сумрак, который скрадывал очертания предметов в тесной комнате. В противоположном углу тяжело дышал во сне Профессор, повернувшись к стене.

Ботинки стояли рядом с кроватью. Арчи по опыту знал, что это не поможет их согреть, но все же несколько раз дыхнул внутрь. Растерев руками ступни в шерстяных носках, он обулся. В первую секунду создало ощущение, что погрузил ноги в талую воду. Придется немного потерпеть.

Он поднялся и вышел из комнаты в горницу, ступая как можно тише. Дрова в печке давно прогорели, а угли едва подмигивали медными всполохами. Внутри дома оставалась только щепка на растопку. Надо было идти за дровами. Арчи снял с вешалки куртку, застегнулся на все пуговицы, накинул на голову капюшон, прихватил варежки и вышел в сени. Здесь его встретил настоящий мороз. Арчи нащупал в темноте выключатель и зажег тусклую лампочку, раскачивающуюся на проводе, перекинутом через потолочную доску. Несколько шагов по неровному полу, и, миновав низкий

дверной проем, он попал во двор – ветхую деревянную пристройку под крышей. Прежние хозяева держали тут домашнюю живность: куриц, овец, коров. Теперь лишь сквозняки гоняли по полу всякий мусор, а под слоями толя прели колодые дрова. Арчи отобрал наименее влажные поленья и, кряхтя, собрал их в охапку. Вернувшись в дом, он остановился перед печью, раздумывая, как свалить дрова на пол и не разбудить при этом Профессора, но тут из комнаты донеслось недовольное ворчание, и проблема разрешилась сама собой.

Щепки занялись сразу, а вот поленья долго чернели и шелкали, не желая разгораться. Арчи приходилось поддерживать огонь, подбрасывая в топку одну за другой скомканные газеты. Запасы на растопку почти закончились, когда на дровах наконец заиграли всполохи. После этого он еще два раза сходил во двор и сложил небольшую поленицу рядом с печью, чтобы сухое топливо всегда было под рукой. Затем пошел на кухню и поставил на конфорку чайник.

– Сколько там уже? – услышал он хриплый голос из комнаты.

Арчи посмотрел на часы.

– Почти семь.

Профессор заворочался на постели. Скрипнули пружины.

– Чай будете?

Старик не ответил. Было слышно, как он тяжело вздыхает, недовольно бормочет себе под нос и чешется. Потом закрипели доски, и, едва волоча ноги, он вышел в горницу.

За последние дни Профессор постарел лет на десять. Всклоченные волосы стояли дыбом. Обычно заинтересованный взгляд теперь потускнел. На щеках проступили вертикальные морщины, а уголки губ опустились. Он напоминал безмерно печального и обессиленного Эйнштейна.

– Чай всегда кстати, молодой человек, – сказал Профессор.

Он взял единственное и весьма убогое кресло за подлокотники и потащил к печи. Арчи хотел помочь, но Профессор отмахнулся и справился сам. Устроившись поудобнее, старик ловил благословенное тепло. Он вытянул вперед ноги и удовлетворенно сложил руки на груди.

– С вашего позволения, я посижу немножко здесь.

Арчи кивнул и вернулся на кухню, чтобы заварить чай и нарезать бутерброды. Обрато он пришел с дымящейся чашкой для Профессора и тарелкой, на которой покоились два куска хлеба с ветчиной.

– Если сверху на чашку поставить тарелку, бутерброды будут не такими холодными, – подсказал он.

Профессор хмыкнул и последовал его совету. Арчи наклонился и подбросил в топку дров.

– Надо бы перетащить кровати сюда. Спать будет теплее.

– Из меня помощник нынче никудышный, – Профессор с опаской надкусил бутерброд. – О, действительно лучше! Теперь это похоже не на ледышку, а на ляжку Бабы Яги.

Довольный своей шуткой, старик зашелся каркающим

смехом, напоминающим кашель. Арчи поддержал его сдержанной улыбкой.

– Нам придется организовать что-то вроде ночного дежурства. А то замерзнем к чертям собачьим...

– Ночным дежурством меня не напугаешь, молодой человек. Я все равно после трех часов почти не сплю.

Арчи забрал у Профессора пустую тарелку, отнес на кухню и сделал себе такой же скромный завтрак. Чай обжог пищевод и замер тлеющим шаром в животе. Остальные части тела по-прежнему мерзли.

Начался только второй день зимнего плена, а Арчи уже был близок к отчаянию, не представляя, какое будущее их ожидает.

– Живо! Нет времени расслаживаться! – повторил Шеф.

Арчи вцепился в протянутую руку, и тот резко поднял его на ноги. Происходящее не укладывалось в голове.

Дядя проверил пульс жертвы.

– Готов, – констатировал он, и повернулся к Профессору. – Ты как?

Бледный Профессор тяжело дышал, покрывшись испариной.

– Сейчас, – тихо ответил он. – Только дух переведу.

Шеф красноречиво постучал пальцем по циферблату наручных часов. Затем поднял с пола пистолет, выпавший из рук мертвеца, поставил на предохранитель и протянул пле-

мяннику. Арчи колебался секунду, а затем принял оружие и под ремень.

Профессор долго шарил по карманам, прежде чем нашел флакон с нитроглицерином. Он опрокинул в рот несколько крошечных таблеток и разжевал.

– Ну что, коллега, есть версии, какого хрена у нас тут делается? – спросил его Шеф.

– Случайный выход исключен. В этом я не сомневаюсь.

– И что это может значить?

– Могу только предполагать, – Профессор достал носовой платок и шумно высморкался. – Руку даю на отсечение, что этот молодчик принял перед погружением антидот, нейтрализующий действие тоназина. Спрашивается, откуда он о нем узнал, если никто кроме нас вообще не слышал о тоназине? Выходит, кто-то получил доступ к нашим материалам в Институте мозга.

– Мне казалось, мы там все зачистили.

Профессор снова спрятал нос в платок и что-то промычал. Арчи показалось, что дядя готов броситься на старика, но тот взял себя в руки.

– Ладно, чего уж теперь выяснять. Что он успел рассказать? – Шеф кивнул в сторону мертвеца.

– Что-то про тайную операцию. Похоже на бред.

– Ты уверен, что бред? Какая у него была программа погружения?

– Он – секретный агент. Внедряется в преступную группу

и все такое, – подал голос Арчи.

– Думаете, у него помутился рассудок после выхода?

– Конечно! По-другому просто не бывает, ты же знаешь, – Профессор откинулся на спинку кресла и несколько раз откашлялся, прижимая руку к груди. – Но одно вполне могло наложиться на другое. Как там говорят? Если ты параноик, это еще не значит, что за тобой никто не следит.

Шеф повернулся к Арчи.

– Жандармы приняли тебя далеко отсюда?

– Сразу за Ланским шоссе.

На несколько секунд в операторской воцарилась напряженная тишина, которую изредка нарушали капли крови, срываясь с края пульта на пол.

– Все это скверно пахнет, коллеги. Полагаться на авось мы не можем, поэтому придется исходить из худшего сценария. Если мы действительно под колпаком, счет идет на минуты. Раз мы тут с вами лясы точим, видимо, этот чудик все-таки не успел сообщить о местонахождении лаборатории. Но рано или поздно они сюда доберутся. Уж не сомневайтесь.

– Что же делать? – Арчи очень хотелось присесть, потому что колени предательски дрожали.

– Мы будем сматываться, Арчи.

В глазах дяди он заметил отчаянную решимость, которая пугала не меньше, чем мертвое тело, под которым расползлась черная поблескивающая лужа. Нелегко было признать, что дядя не только без колебаний убил человека, но и, похо-

же, не испытывал никаких угрызений совести.

– Как поступим с телами? – спросил Профессор, к которому постепенно возвращался здоровый румянец.

– Телами?

– Да. В камере еще трое, которых он убил.

– Не только, – вмешался Арчи. – В холодильнике полно трупов. Я как раз собирался вызвать Могильщика...

Шеф выругался.

– Могильщик появится только завтра. Справимся без него: аппаратуру уничтожим, лабораторию затопим. Пока они воду откачают, найдут тела... У нас будет небольшая форма.

Профессор печально вздохнул.

– Не волнуйся. Когда пыль уляжется, мы построим еще одного «Морфея», – успокоил его Шеф.

– Ты сам-то в это веришь?

Ответа не последовало.

– А что будет с нами? – спросил Арчи.

– Вы с Профессором должны исчезнуть.

Дядя нашел себе берлогу еще до того, как начал нелегальный бизнес вместе с Профессором. Первоначально он планировал организовать что-то вроде охотничьего домика. Места глухие, безлюдные. Это был последний обитаемый дом в деревеньке всего из четырех дворов. Дядя выкупил его за бесценок и оформил на подставную персону. До ближайше-

го поселка – двадцать пять километров. По окрестностям – только такие же вымершие или близкие к тому деревни. Однако дядя так и не собрался перестроить дом.

Несколько раз в год дядя навевывался, чтобы проверить, в каком состоянии находится дом, и заодно поохотиться. Диких животных в лесу хватало: кабаны, лисицы, волки. Даже медведи встречались, но он никогда не трогал их, предпочитая скорее убраться с их дороги.

«Никто не должен знать, что вы здесь, – сказал дядя на прощанье. – С местными не разговаривайте. Придет кто из соседней деревни – просто не открывайте дверь. В поселок – только в крайнем случае, если еда кончится. Нельзя чтобы ваши физиономии тут примелькались. Будьте начеку. Ждите, когда приеду за вами».

Сразу за гниющим забором «жигули» Профессора норовили превратиться в сугроб, поэтому ежедневно Арчи брался за старенькую деревянную лопату и откапывал машину. Дядя настаивал на строгой конспирации, но лучше, если автомобиль будет в любой момент готов к пути. Приходилось следить и за дорогой, ведущей к проселку, по которому пару раз в неделю пробирался грейдер.

В доме нашелся древний телевизор, еще с кинескопом. Однако смотреть по нему можно было только снег – как и за окном. Дядя давно перестал оплачивать абонентскую карту спутникового телевидения, и декодер теперь был не полезнее кирпича. Арчи попробовал соорудить из огрызков про-

водов простенькую антенну метрового диапазона, но сигнал так и не поймал.

– Я, конечно, подумывал об отпуске, но представлял его себе несколько иначе, – признался он Профессору за скромной трапезой, которую они называли обедом – стремительно остывающий гороховый суп из пакетов и той же температуры лапша быстрого приготовления.

– Скажем спасибо, что есть электричество.

Арчи встал из-за стола, опустил в мойку грязные тарелки, плеснул на них моющим средством и включил едва теплую воду. Бойлер на стене тихонько заурчал.

– Спасибо, – согласился с Профессором Арчи.

Старик удовлетворенно сложил руки на животе.

– По-моему, тебе стоит ценить представившуюся возможность употребить время с иной пользой, нежели просиживать штаны перед телевизором.

– Интересно, каким образом?

– А ты подумай, Арчибальд, подумай, – сказал Профессор, сделав акцент на последнем слове.

– О чем же?

– Да обо всем. Такая возможность выпадает нечасто. Некоторые вот вообще ни разу за жизнь не успевают задуматься.

– Вы, Профессор, как-то очень мудрено свою мысль излагаете. Мне бы сейчас как-нибудь попроще, если честно.

– Сейчас подходящий момент разобраться и понять, что

тебе делать дальше, Арчибальд.

Арчи сполоснул тарелку, поставил в сушку и обернулся.

– Сейчас все зависит от Шефа. Ему виднее, как нас вытащить из этой передраги.

– Эх, мальчик, неужели ты еще не понял? Твой дядя решает одну задачу: как ему выпутаться из этого дерьма. Поверь моему опыту, так он всегда поступает.

– Как-то не по себе от ваших слов, Профессор. Хотите сказать, мы с вами для него только пешки?

Профессор откашлялся и положил руки на стол, накрыв одну ладонь другой. Обычно этот жест означал, что он собирается устроить небольшую лекцию. Как в старые добрые времена.

– Наверное, я сильно запоздал с этим разговором. Но, собственно, много ли ты знаешь о своем дяде?

Мать Арчи работала под началом Профессора в Институте мозга. Она писала кандидатскую диссертацию и участвовала в начальном этапе исследований, которые в итоге привели к созданию «Морфея». Однажды она познакомила Профессора со старшим братом, который занимал должность действительного статс-советника в бюджетном отделе Комитета по науке. Леонид Полуниин был исключительно напорист, чем поначалу сильно смутил Профессора и даже напугал. Но энергичный карьерист из Смольного предложил такую схему, которая выглядела одновременно порочной и

полезной для научной работы. Да, Леонид Полуниин рассчитывал на достойный «откат», но и Профессор получал в свое распоряжение финансирование, которого ему так недоставало. После недельных раздумий он сдался.

Они придерживались строго деловых отношений. Время от времени встречались в ресторанах, где следовал обмен дежурными любезностями, а Профессор вручал Полунину его долю. Результаты исследований того интересовали мало. Успехи, неудачи... Стоило начать сыпать научными терминами, и чиновник терял интерес к разговору, поддакивая лишь из вежливости.

Взаимовыгодное сотрудничество, наверное, могло бы продолжаться долгие годы. Но все разрушил один неприятный инцидент, который произошел в ту пору, когда мать Арчи носила его под сердцем. Молодая аспирантка заметно округлилась в ожидании первенца, а вся кафедра шепталась, кто же претендует на роль счастливого отца. Как-то раз ее брат буквально ворвался в кабинет Профессора, бросив секретарше, чтобы никого не пускала. Он пришел обсудить весьма деликатную тему. У них с сестрой произошел серьезный конфликт. Спор разгорелся до такого градуса, что Полунина пригрозила пойти к начальству брата в комитете и рассказать о проворачиваемых им финансовых схемах. «Она вас очень уважает, профессор. Поговорите с ней. Убедите, что это сильно повредит нашему делу», – настойчиво попросил Леонид Полуниин. У Профессора не было никакого же-

лания вмешиваться в семейные дразги, но раз уж дело затрагивало общие интересы, пришлось пообещать деловому партнеру оказать посильную помощь.

В отличие от брата аспирантка не стала скрывать причину конфликта. Выяснилось, что отец ее ребенка ни о чем не догадывается, и она не намерена посвящать его – у него уже есть семья, обязательства. Участь матери-одиночки Полунину совсем не страшила. Однако у брата оказалась иная точка зрения. До этого он сам иногда помогал ей, в том числе, и деньгами. А тут решил, что отца нужно не только поставить в известность, но и истребовать с него материальную компенсацию. Поскольку Полунина поклялась унести эту тайну в могилу, брату пришлось разориться на частного детектива, чтобы узнать, чей покой она так ожесточенно оберегает. Детектив попался смышленный и с задачей справился. Простыми человеческими словами сестра не смогла отговорить брата от шантажа (именно так она назвала его желание потребовать компенсацию), поэтому решила и сама прибегнуть к аналогичному методу, угрожая раскрыть его махинации.

Профессору ситуация представлялась настолько дикой, что сначала он растерялся. Но потом принял, как он оставался уверен все последующие годы, единственно верное решение. Он пригласил к себе Леонида Полунина и объявил, что в сложившихся обстоятельствах дальнейшее их сотрудничество невозможно. Со своей стороны Профессор пообещал держать рот на замке, но в обмен потребовал оставить

в покое свою аспирантку.

Разумеется, дядя Арчи сильно расстроился. На прощанье он многозначительно обронил: «Напрасно вы пошли у нее на поводу, профессор. Он бы обеспечил нас всех до конца жизни...».

– Выходит, дядя знает имя моего отца...

Эффект был, как будто хвятили бейсбольной битой по башке. Или опрокинул сразу грамм двести водки без закуски. Головокружение, тошнота и сужающийся в точку мир.

– А вы, Профессор? Вы тоже знаете?

– Ну что ты, – Профессор отвел взгляд в сторону. – Меня больше всего занимала наука. В вашей семейной драме мне была отведена роль несведущего статиста.

Арчи потер лоб. Почему дядя не рассказал ничего об отце? Какие у него для того были причины? Справедливости ради, сам Арчи ни разу не задавал ему вопросов об отце. Даже мысли такой не возникало, настолько крепко мать вдолбила ему в голову, что отца у него попросту нет. Она не скармливала ему нелепые истории про сгинувшего на задании летчика-испытателя или про отважного моряка, ушедшего в кругосветное путешествие. С ранних лет мать приучила не витать в облаках.

После рассказа Профессора размытый, нечеткий образ отца поселился у Арчи в мозгу. Подумать об этом время еще будет, а теперь следовало разобраться с перспективами на

ближайшее будущее.

– Сейчас тебя не должны волновать вопросы этического характера. Как и почему твой дядя поступает тем или иным образом, в данном случае не так важно. Хотя тут я не прав, наверное, – поправился Профессор, ненадолго задумался и продолжил: – Конечно, тебе нужно держать в уме, что он делает и почему. Но ты должен сам выбрать свою судьбу. Если вместо тебя это сделает он, ничего хорошего тебя не ждет, уж поверь.

– Мы все время говорим обо мне, Профессор. А что будет с вами?

Губы старика растянулись в снисходительной улыбке.

– О чем мне волноваться, мальчик? – он закашлялся и плотнее укутался пледом. – Мне бежать некуда, я свое отбегал.

– Вы знаете, от кого мы скрываемся?

– Догадываюсь. Тот человек в лаборатории... Он не безумец. То есть, когда вышел из погружения, он, конечно, изрядно тронулся умом, но те, кто его послал... Они ждали, что он раскроет им местонахождение лаборатории.

– Чертовы жандармы!

– Возможно, жандармы. Правда, я никогда бы не подумал, что они способны на такие хитроумные комбинации. Больше всего меня настораживает осведомленность о моих наработках, кто бы за этим ни стоял. Я был уверен, что забрал все материалы, а копии уничтожил. По-видимому, я заблуждал-

ся, старый осел!

– Им нужен «Морфей»?

Профессор пожал плечами. Он вытащил из-под пледа пластиковый футляр, достал очки и принялся вдумчиво протирать их носовым платком.

– На их месте я бы очень хотел его заполучить. Сейчас они силой загоняют людей в Центры покоя. Напряжение растет. А за билетом в рай обреченные придут сами.

– Но это билет в один конец, – напомнил Арчи.

– Что ж поделать. В любой системе найдется изъян.

– Слава богу, мы уничтожили «Морфей».

– Даже нынешние бездари сумеют построить новый образец, если доберутся до моих архивов.

Арчи ожидал услышать в голосе Профессора раскаяние, но уловил только нотки усталости.

– По крайней мере, вы их хорошо спрятали?

– Спрятал? Ты шутишь! – Профессор держался на удивления спокойно. – Ничего я не прятал. Архив есть на домашнем компьютере. Моя новая личность им известна, так что они наверняка уже добрались до него.

Арчи растерялся.

– Не пугайся, там им ловить нечего. Архив зашифрован. Пароль – только здесь, – он постучал согнутым пальцем по виску. – А без него им придется подбирать 256-битный ключ. Очень долго подбирать. Я так думаю, примерно вечность.

Старик был прав – ни один компьютер в мире не справит-

ся с этой задачей.

– Но как насчет вас? Они же продолжают вас искать.

– Скорее всего. И тебя, вероятно, тоже, учитывая твое ночное знакомство с жандармами. А вот насчет твоего дяди – не уверен. Вы – родственники, но неблизкие. С лабораторией и трупами его не связать, он никогда не контактировал с клиентами. Так что ему беспокоится, в общем, не о чем, – Профессор выдержал паузу и закончил, – если только мы не попадем в руки жандармов.

Натянув шапку глубже на уши, Арчи вышел на крыльцо. Вокруг, насколько хватало глаз, белели холмы и, минуя линию горизонта, сливались с небом, затянутым серыми тучами. На этом пустынном пространстве мрачно выделялись развалины кирпичного дома на ближайшем пригорке и чернели кляксами деревья, клонящиеся к земле.

Чтобы очистить «жигули» от снега, Арчи понадобилось минут десять. Потом еще столько же, чтобы прогреть двигатель. Он хотел успеть съездить в поселок, пока не стемнело. Профессору требовались лекарства, а бог его знает, когда в здешней глуши закрываются аптеки.

Склонившись над рулем и прислушиваясь к нестройному урчанию двигателя, Арчи вновь и вновь думал о словах Профессора. Было очень трудно поверить, что дядя способен их убить. Пусть он и решительный человек с весьма специфическими представлениями о морали, но убить родного пле-

мянника... Арчи прикинул, сколько успел сделать для него дядя за эти годы. Противоположную чашу весов тянули к низу история про шантаж предполагаемого отца Арчи и убийство секретного агента. Хорошо ли он знал дядю? Еще неизвестно, для чего он приблизил к себе племянника? Вспомни маму, Арчи. Уж в ком ты точно не сомневаешься, так это в ней. А она не доверяла своему брату настолько, что порвала с ним всякие отношения. Может быть, ты совершил ошибку, когда направился к нему?

Кто-то постучал в водительскую дверь.

Арчи подскочил на месте, едва не ударившись головой о крышу. Сердце ухнуло ниже уровня диафрагмы и сбивчиво затрепыхалось в обратном направлении. Он повернул голову и увидел сквозь покрытое инеем стекло темный силуэт. Профессор?

Непослушными руками Арчи потянул ручку на себя, а затем толкнул дверь наружу. Человек в черной куртке сделал шаг в сторону, чтобы его не задело, и Арчи увидел, что это не Профессор, а какой-то незнакомый мужчина. На вид ему было лет пятьдесят, на щеках блестела местами седая щетина. Он широко улыбался, и было заметно, что зубов у него не хватает. Съехавшая набок расстегнутая ушанка добавляла ему комичности.

– О, здорово! – затараторил незнакомец. – А я смотрю, это, идет дымок из трубы или кажется только? Совсем, думаю, допился, кто ж здесь может быть! Тут и летом-то никто

не живет, не то что зимой, ага... Давно деревню забросили, эх, ёпа мать... А ты живешь здесь или так? Что-то мне твое лицо не знакомо...

Остолбнев, Арчи промычал нечто неразборчивое.

– Да ты не тушуйся, ёпа мать! – незнакомец сдвинул шапку на затылок и подмигнул. – У нас тут стеснятся не принято. Все люди – братья, так ведь, а? Ты, я смотрю, парень неплохой, только молчишь все... Или соображаешь туго, а? Верно я говорю?

Молодой человек заглушил двигатель, вытащил ключ из зажигания, выбрался наружу, закрыл машину и повернулся к мужичку, ожидая продолжения.

– А ты один тут или как? Одному нынче, ёпа мать, опасно. В Сивкиной Горке, ну, ты знаешь, наверное, это за Похомовщиной еще верст десять, вот в самую ту деревню какие-то лихоимцы наведывались, стекла побили, бляди, да корову пытались увести! Эх... – незнакомец наклонил голову к плечу и почесал здоровенной пятерней в затылке. – А ты, я смотрю, тоже вроде нездешний, номера у машины питерские. Городской, что ли, а? Может, это ты в Сивкиной Горке барагозил? Хотя там, говорят, трое хлопцев было и на вид деревенские...

– Я понятия не имею, что это за Горка такая Сивкина, и не было меня там.

Это выглядело так, словно Арчи оправдывался.

– Да ты не обижайся, парень, я ж без никаких! Не был и

не был, мне-то что, я ж не мусор какой, ёпа мать... Я вот и глянул, вдруг кто безобразничает... Давно тут? Надолго?

Незнакомец обвел рукой снежную целину и дом. Арчи перевел взгляд на поднимающийся из трубы дымок. Ему показалось, что за затянутым инеем стеклом мелькнула тень, но это навряд ли, потому что Профессор с самого утра ни разу не поднялся с кровати, настолько ему было скверно.

– Отдыхаю здесь. Дядя пару лет назад купил этот дом. Пустил пожить, чтобы я заодно присмотрел, – сказал Арчи и тут же пожалел об излишней откровенности.

– Отдыхаешь? Хорошее дело, ёпа мать. А что я, против, что ли? Нет же... Только эта... Я говорил уже... хулиганы какие-то объявились... Так ты, парень, осторожнее будь, всякие люди встречаются.

– Это точно.

– Валера, – протянул деревенский свою лапищу.

– А-а-а, – затянул Арчи, но одернул себя. – Андрей.

– Заика, что ли, Андрюха, а?

– Нет, это я так, – он неловко отмахнулся.

– Ну, смотри, Андрюха. Меня тут всякий знает. Вон за тем холмом видал, наверное, деревенька есть – Зеленая. Вот там я и живу. Кирпичный дом на самой околице. Соседями, значит, будем, Андрюха, а?

С ответом Арчи затянул, и Валера продолжил сыпать вопросами.

– Слушай, парень, а ты чего машину-то грел? Собрался

куда?

– А что такое?

– Да ты не ссы, ёпа мать! Я ведь чего спрашиваю, я ведь не просто так или там из любопытства... Мне в Демянск нужно, и никого попуток нет. Я вот и подумал, вдруг, может, ты в Демянск собрался, так я тебе в попутчики набьюсь, а?

Валера подмигнул, как будто они были стародавние приятели. Отказать ему, не возбуждая подозрений, вряд ли получилось бы.

– Здесь меня подожди, Валера. За вещами сбегаю и вернусь.

– Вот это спасибочки, Андрюха, вот это уважил, – заулыбался деревенский. – Конечно, подожду, ёпа мать, а что ж не подождать, если такой душевный человек нашелся...

Но Арчи его уже не слушал, а топал по снегу к дому.

Когда он вошел внутрь, Профессор сидел в кресле возле приоткрытой печки. Старик выглядел даже хуже, чем с утра.

– Зачем вы встали с постели, Профессор?

– Замерз, а тут тепло, – ответил он и поежился под пледом. – С кем ты разговаривал?

– Один местный прибрел. Напросился со мной до Демянска.

Профессор нахмурился так, что его лихорадочно поблескивающие глаза почти скрылись за кустистыми бровями.

– Ты уверен, что это местный?

– Если нет, то он напрасно не пошел в актеры.

Арчи, обогнув кресло, прошел в комнату и достал из-под подушки пистолет. Он оттянул затвор, убедился, что патрон загнан в казенник, и проверил, выставлен ли предохранитель, после чего спрятал оружие под куртку.

– Я там тебе шпаргалку написал, на столе в кухне оставил, – поймал его за руку Профессор, когда он проходил мимо.

– Все будет в лучшем виде, – пообещал Арчи и забрал бумажку, исписанную крупным почерком Профессора.

– Ты, главное, не забудь, что я тебе говорил.

– Про лекарства?

– Про дядю твоего! Будь с ним осторожен. Заруби себе на носу, что, если здесь объявится Могильщик, значит, старый прохвост решил избавиться от нас.

– Зачем вы мне сейчас это все говорите?

Старик посмотрел на него печально, открыл, было, рот, но вместо ответа зашелся в приступе кашля. Подождав пока закончится приступ, Арчи протянул ему таблетку и стакан с водой. Убедился, что Профессор вновь нормально дышит, и ушел.

– А слева, вот за тем оврагом, видишь, вон там, раньше жил Николай Карелый. Только никто его Колькой ни разу не назвал, наверное, ёпа мать, а всегда его кликали Горелым. Всю жизнь, с этой кличкой проходил, бедолага. Прицепилась – не оторвешь. А мужик он был нормальный, основатель-

ный... Отцовский дом отремонтировал, отстроил, до сих пор бы стоял, точно говорю! Короче, Горелый был парень с руками и с головой, что, знаешь, тоже ведь не лишнее. Работал в совхозе и трактористом, и мотористом, и кем угодно, если нужно. В общем, хороший был мужик, чего уж там. А потом пришли какие-то кавказцы, чурок своих пригнали, ёпа мать. А нас всех – под зад коленом, как шантрапу какую...

Деревенский не умолкал ни на минуту, а Арчи настолько был занят дорогой, боясь завалить машину в кювет, что ему оставалось только невпопад поддакивать. Валера успел рассказать про корову Звездочку, которая каждое лето телилась, а в этом году, вот, занемогла и, похоже, помирать собралась, а без коровы в хозяйстве совсем беда. Конечно, есть еще овцы и куры, но с ними далеко не уедешь, корова все равно нужна, а где ж на нее денег заработаешь, если и так едва хватает, чтобы ноги не протянуть. Хорошо еще пенсионники не цепляются, пока работаешь на птицефабрике в Демянске, а то если б не это, то вообще каюк.

– И вот пошли мы дружную гурьбою, кто на биржу труда, а кто и на пенсию, кому, сколько годков насчитали. Мы с Горелым парни-то еще о-го-го какие были, так что довольно быстро на фабрику нас зачислили. Только затаил Горелый обиду на этих кавказцев, что они, значит, совхоз наш разогнали. Вот, прикинь, стоим мы, значит, на перекуре, а у Кольки рожа такая, будто он ежа проглотил. Чего, говорю, не так, чем не доволен? Да всем не доволен, отвечает. Это

что ж такое, ёпа мать! Мы, говорит, испокон веков тут жили, отцы и деды наши эту землю пахали, а тут приходят эти паскудники черножопые и забирают ее себе! Я ему сразу: ей, ей, Горелый, ты чего, тише, тише, ведь услышит кто, не успеешь оглянуться, как жандармы упекут за это... как ее?.. за рознь, за разжигание, значит, ёпа мать!.. Осекся он и замолчал, но думу свою думать, видать, не перестал, стервец... А у вас в Питере как, тоже этих много?

– Да уж побольше, чем в здешних краях, – ответил Арчи, продолжая с силой выворачивать руль на крутом повороте.

– Эх, Андрюха, да что ж такое, а, – покачал головой Валера. – И никакой на них управы, нет? Горелый, видать, тоже решил, что раз нет никому дела, то придется самому браться за это, ёпа мать! И пошел он к их главному, который вроде как председательское место занял, и стал права качать. Мол, что ж вы, бляди такие, творите, людей с их земли прогоняете! А Горелый, он же парень крепкий был, против него даже отчаянные забияки в кабаках выходить не рисковали. Но здесь он маленько не рассчитал. Накинулся на него этот их председатель вместе с братьями-зятьями и кто еще их, к лешему, разберет. М-да...

Пару минут Валера помолчал, погрузившись в воспоминания.

– Помяли его изрядно, ёпа мать. Неделю – не меньше – отлеживался. Не знаю, может, ему там чего в башке его отбили, но надумал он их достать по-другому. И только попра-

вился чуть, поехал в Демянск, в жандармерию. Заявление наката во всех подробностях, на пару страниц, как его, значит, басурмане приняли, и справочку от врача приложить не забыл. Только дежурный заявление прочитал, да и говорит, что с таким серьезным делом нужно бы к начальнику. А Горелый что? Он закон читит. Пошел к начальнику, ёпа мать. Заходит, а там сидит такой же нерусский. Берет заявление и говорит: так, мол, и так, но чего ты, дорогой, шум поднимаешь, тут ведь дело с национальной окраской, ты ж понимать должен... И подмигивает так, – Валера показал как. – Мне про это Горелый успел рассказать в тот же день, если что. Ну и вот, значит, начальник ему пообещал, что все вопросы с председателем уладит и будет все честь по чести, да... Уладил, гнида нерусская...

Деревенский задумчиво уставился в окно, временами причмокивая и цокая. Арчи продолжал вертеть руль, поддавая газу и сбрасывая обороты, когда нужно, а Валера все смотрел в окно.

– Так и чего – уладил, начальник?

– А? – вострепенулся Валера. – Начальник-то? Уладил, ёпа мать... На следующее утро мы всей деревней тушили дом Горелого. Но какое там! Как факел полыхало, и все вокруг керосином воняло. Пожарные приехали уже на головешки только посмотреть. А потом нашли тела – Горелого и матери его. Дело так и не завели, мол, он сам керосин переливал и случайно подпалился. Только пастушонок наш, ему тогда

лет девять всего было, говорил, что видел на рассвете, как от дома Горелого отъехали две машины, одна – жандармская, ёпа мать. Но мы сказали пастушонку держать язык за зубами, потому что всем нам тут еще жить, а Горелого ведь не вернешь, верно я говорю, Андрюха?

Арчи пришлось согласиться.

– И вот я к чему все это, про Николая. Ведь не зря же его с детства Горелым прозвали, а? Угорел же в итоге, ёпа мать! – Валера рассмеялся, но совсем невесело.

Они, наконец, добрались до Демянска и покатали по его узким и пустым улочкам. Начало темнеть, но фонари до сих пор не зажигали. Арчи повернул на главную площадь, где кучно стояли несколько магазинов, аптека, поликлиника, муниципальная управа, жандармерия и бюст Вождя на постаменте в центре. И ни одной живой души вокруг.

– А вот туточки меня высади, – попросил Валера, показывая на почтовое отделение.

Арчи послушно остановил машину.

– Ну, бывай, Андрюха! Спасибо, что подвез. Заходи, если что, в гости, а то и я к тебе наведаюсь, ёпа мать! – сказал Валера на прощанье и хлопнул дверцей.

Припарковав «жигули» напротив аптеки, Арчи осмотрелся по сторонам, вытащил из-под куртки пистолет и спрятал в бардачок.

До закрытия аптеки оставалось минут двадцать. Внутри никого не оказалось, даже за перегородкой из стекла, где по-

лагалось находиться провизору. Арчи громко спросил, есть ли кто живой. Из задних помещений слышались шорохи, сдержанный зевок, а затем скрипнули пружины. В дверном проеме за перегородкой появилась девушка в мятом белом халатике. Она на ходу поправляла волосы и щурила красные со сна глаза.

Арчи протянул ей в окошечко шпаргалку Профессор.

– Простите, что потревожил.

Барышня покраснела, развернула бумажку и, шевеля губами, принялась ходить и выдвигать один за другим ящички. Кучка флаконов и упаковок таблеток стремительно разрасталась.

– Ой, а здесь тарабарщина какая-то, – растерялась она и отдала шпаргалку обратно.

Арчи расправил лист. В самом конце списка лекарств значилось: 193.46.7.59. Следом шло неудобоваримое сочетание символов – nbVehbtujrjvfylyf33. Арчи бережно сложил шпаргалку и убрал в карман.

– Это написано для меня, – объяснил он. – Пробейте, пожалуйста, остальное.

Расплатившись и собрав все лекарства в пакет, он вышел вышел в сгустившуюся темноту. На другой стороне площади Валера приближался к зданию жандармерии.

– Эй! – крикнул Арчи и помахал рукой. Может быть, нужно подбросить его обратно.

Валера воровато оглянулся через плечо. Арчи снова по-

махал, а рванул вприпрыжку по ступенькам к входной двери жандармерии и скрылся внутри.

Арчи сначала не понял, что к чему, а потом понял и, чертыхаясь, бросился к машине. На его счастье двигатель завелся сразу – остыть не успел. На повороте с проспекта, делящего Демянск пополам, «жигули» немного занесло, и Арчи чудом избежал столкновения с фонарным столбом. Лучи фар, словно скальпелем рассекали темноту, выхватывая то просевший под снежной шапкой куст, то разбитый сарай, то покосившийся забор. Намертво вцепившись в руль Арчи гнал машину, напряженно всматриваясь через мутное стекло, и старался не думать о том, что каждый следующий поворот может оказаться последним. Да и как тут о чем-то думать, когда только и ждешь, что звук сирены за спиной...

Вместо обычных по таким условиям минут тридцати-сорока, Арчи добрался за двадцать. Он съехал с дороги и уперся в воротца и забор, огораживающий бывшее деревенское пастбище. Вышел из машины, чтобы открыть ворота, но оказалось, что кто-то уже снял с них замок. Что за черт? Он точно помнил, что запирал, уезжая. Присмотревшись к снегу под ногами, Арчи обнаружил свежие следы от протекторов гораздо более широких, чем у несчастных «жигулей».

Арчи залез в салон, заглушил двигатель, вытащил из бардачка пистолет, взвел затвор и, крадучись, направился вверх по склону, к дому. За спиной луна вышла из-за облаков и осветила окрестности. Арчи с одного взгляда узнал «тойо-

ту», стоящую на площадке перед домом. Это был внедорожник Могильщика.

Хотя он и так изрядно замерз, но все равно ощутил, как холод сковывает внутренности, а тело начинает бить дрожь. Как же так все один к одному сошлось? А можно подумать, ответ на этот вопрос тебе поможет, дубина. Нужно же что-то делать, пока здесь не появились жандармы.

«Тойота» стояла с выключенными фарами. В машине никого не оказалось, и Арчи, выдохнув, опустил руку с пистолетом.

Окна горницы слабо светились. Пригибаясь Арчи пересек двор и прижался к стене. Он не слышал, что происходит внутри. Спрятав пистолет в карман, Арчи сосчитал про себя до трех и, встав на цыпочки и цепляясь пальцами за край подоконника, заглянул через стекло внутрь.

Единственное кресло опрокинулось и лежало на боку возле печки. Рядом с ним распростерлось тело Профессора. Его неподвижные глаза уставились куда-то над собой и не мигали, а на мраморном профиле плавилась трагические тени от догорающих углей. Арчи всматривался, надеясь заметить признаки жизни, но старик совершенно точно был мертв.

Из комнаты появился Могильщик. Он нес ворох одеял. Арчи, замерев, наблюдал, как тот аккуратно раскладывает одеяла на полу, а потом также по-деловому начинает заворачивать в них непослушное тело Профессора. Арчи нащупал в кармане ледяную рукоятку пистолета и задумался, сможет

ли прицельно выстрелить через стекло. Все это больше походило на глупое кино, чем на реальную жизнь. Не стоит обманываться, Арчи, ты не готов стрелять.

Время стремительно уходило.

Могильщик, находясь спиной к окну, продолжал свои манипуляции с телом Профессора. Вдруг он замер, словно почувствовал что-то, и резко обернулся. За миг до этого Арчи успел присесть. Выждав несколько мгновений, он осторожно выбрался за пределы участка, миновал внедорожник и, скрывшись из поля зрения, со всех ног пустился бежать прочь, вниз, на дорогу. Иногда он проваливался в сугроб по колено и зарывался лицом в снег, но тут же вскакивал и продолжал бег. Мороз выжигал воздух из легких и вышибал слезы из глаз. Но Арчи подозревал, что дело не только в морозе.

Всем своим поведением ему приходилось поддерживать впечатление, что ничего особенного в его жизни не происходит, дни идут своим чередом, он ни о чем не беспокоится и даже откровенно скучает. Сохранять эту видимость приходилось постоянно, даже в минуты, казалось бы, полного уединения, потому что не было никакой уверенности в том, что за ним не присматривают с помощью «жучков».

Леониду Полунину и прежде доводилось оказываться «под колпаком». Раньше он неплохо справлялся с психологическим давлением. В последний раз, когда его поймали на финансовых махинациях с распределением подрядов в комитет по науке и высшей школе, Полунин лишился должности зампреда и пенсионных бонусов, однако благодаря его хладнокровию уголовное дело в суде рассыпалось (ну, и со свидетелями, конечно, пришлось немного поработать). Полностью очистить репутацию ему все же не удалось, и он довольствовался местом в службе занятости. Должность консультанта по трудоустройству хотя и не сулила ежегодной премиальной дозы сыворотки, но открывала неплохие перспективы. Ведь оставшиеся без работы люди были готовы на все, особенно счет пенсионный счет приближался к нулю.

В коридоре службы занятости, как и всегда, скамейки и кресла были оккупированы безработными. Тем, кому не хва-

тило места присесть, оставалось подпирать стены и подавленно сторониться, чтобы пропустить очередного деловитого чиновника. Полунин давно приучил себя воспринимать это зрелище без жалости и угрызений совести, тем более что его вины в бедах собравшейся публики не было.

Он протиснулся к своему кабинету. Обернувшись Полунин предупредил, что прием начнется не раньше, чем через четверть часа. «И, пожалуйста, без шума и толкотни», – добавил он, обводя присутствующих строгим взглядом поверх очков.

В его кресле, за его рабочим столом, сидел незнакомый мужчина и с интересом читал что-то на экране монитора. У него была смуглая физиономия, широко расставленные темные глаза и густые черные волосы. Он был одет в штатское, но офицерскую выправку так просто не спрячешь.

Держи себя в руках, пронеслось в голове Полунина.

Человек за компьютером несколько не смутился, что занял место хозяина кабинета. Он улыбнулся и без суеты поднялся навстречу.

– Леонид Семенович?

– Это я, – подтвердил Полунин. – А вы, собственно, кто такой?

– Аллаха ради, простите. Позволил себе похозяйничать. Без спроса. Обычно я так не делаю. Моя фамилия Аббасов, – представился незванный гость и протянул ладонь.

Леонид Семенович незаметно провел вспотевшей ладо-

нюю по штанине, прежде чем ответить на рукопожатие. Аббасов несколько раз энергично тряхнул его руку и отпустил.

– Вас так и величать? Господин Аббасов? Или лучше обращаться к вам по званию?

Аббасов рассмеялся, демонстративно придвинул к себе стул для посетителей и устроился на нем, закинув ногу на ногу.

– Зачем нам звания! Я же не вызывал вас повесткой на допрос. У нас с вами беседа не совсем официальная.

– Все-таки я хотел бы понимать, с кем имею дело.

– Я возглавляю следственную бригаду по особо важным делам северо-западного управления внутренних дел. Если вам угодно, знать мое звание, то я – штабс-капитан.

Полунин снял пальто, расправил на плечиках и убрал в шкаф; сменил уличные теплые ботинки на туфли для офиса, прошел за стол, выложил из портфеля папки с рабочими документами и опустился в свое кресло.

– О чем же вы хотели поговорить, господин штабс-капитан? – спросил он, напустив на себя недоуменный вид, какой полагалось иметь государственному служащему, не замешанному ни в чем таком подозрительном.

Аббасов прищурился.

– Леонид Семенович, – произнес он, растягивая гласные, и сцепил волосатые пальцы на колене. – Изучение вашего личного дела заняло у меня немало времени. Определенное удовольствие я получил. Почти что детектив. Но ваши про-

шлые подвиги меня не волнуют. Не мой профиль. У меня к вам совсем другие вопросы. Они касаются вашего племянника.

– Племянника?

Главное не переусердствовать с удивленным взглядом, Лёня.

– У вас очень богатая мимика, но не пытайтесь меня убедить, будто бы совсем забыли о его существовании.

– Конечно, нет! Вы меня пугаете, господин штабс-капитан... Он попал в какую-то переделку? С ним все в порядке?

Аббасов не спускал с Полунина цепкого взгляда. Последний вопрос повис в воздухе. Жандарм долго не спешил с ответом.

– Трудно сказать. На все воля Аллаха, Леонид Семенович... Когда вы в последний раз его видели?

Полунин посмотрел на плафон люстры под потолком, словно там скрывался ответ на последний вопрос.

– Не могу точно припомнить... Мы встречаемся не очень часто, – доверительно сообщил он. – У нас были натянутые отношения с его матерью, моей сестрой... В последние лет десять мы с ней и не общались толком, откровенно говоря.

– Почему?

– Ну... У нас произошел серьезный конфликт, о подробностях которого я не хочу распространяться.

На мгновение он помрачнел и погрузился в себя. Со стороны могло показаться, что он забыл о присутствии в каби-

нете кого-то еще.

– Так что же с Арчибальдом? Где он? – встрепенулся вдруг Полунин.

– Это я хотел узнать у вас.

– Подождите, кажется, три дня назад я говорил с ним последний раз. Все было как обычно.

– Я рассчитывал узнать, где он сейчас находится.

– Но зачем он вам понадобился?

– Ваш племянник входит в организованную преступную группу, на счету которой несколько убийств, в том числе, сотрудника жандармерии.

Полунин сделал каменное лицо.

– Если это шутка, то очень глупая! – вспыхнул он.

Посетитель вновь взял паузу. Вероятно, это был его излюбленный прием – заставить собеседника нервничать. Черт побери, прием оказался весьма эффективным. Полунину казалось, что секунды тянутся часами. Он почувствовал, как по спине пробежала омерзительная струйка ледяного пота, и с трудом удержался, чтобы не передернуть плечами.

– Я не шучу, – прервал молчание Аббасов.

В подобной ситуации даже кристально честный человек покрылся бы испариной. Поэтому Полунин посчитал, что вполне уместно вытереть лоб носовым платком, а затем плеснуть себе в стакан воды из графина и жадными глотками выпить ее.

– Мне трудно поверить... Это не укладывается у меня в

голове! Мне казалось, я хорошо его знаю. Хоть он и рос без отца, но мать воспитала его достойно... Убийство? Это уму непостижимо!

– Чужая душа – потемки. Кажется, так у вас говорят.

– Но зачем? Кто его втянул в эту... эту...

– Банду, – подсказал Аббасов.

Полунин скривился.

– Я понимаю, что нехорошо так говорить, но, слава богу, что его мать не дожила до этого момента.

– Значит, вы ничего не знали о том, чем он занимался в свободное время?

– Не имел ни малейшего представления, – ответил он с оттенком искреннего негодования. – Неужели вы думаете, я в этом замешан?

– Почему бы и нет. Единственный родственник. Пристроил племянника на работу, воспользовавшись служебным положением. Вы могли и в других вещах ему помогать.

– Возможно, я и обошел кое-какие правила. Но как я мог поступить иначе? Все-таки родная кровь. Вы поймите, я же никогда не был женат. Вам это, скорее всего, известно...

Аббасов сдержанно кивнул.

– После смерти сестры Арчибальд – вся моя семья. Оставить мальчика одного... – Полунин развел руками. – Сказать, что он мне как сын родной, пожалуй, слишком высокопарно, но не очень далеко от истины.

– Понимаю. У меня у самого есть сын. На десять лет моло-

же вашего Арчибальда. Хороший парень. Но молодой, горячий. Часто, знаете, попадает в ситуации. И поверьте, я первый, кто не дает ему спуску. Вы же сейчас ничего от меня не скрываете?

– Я еще раз повторяю, что не знаю, где он находится.

– Ну, хорошо, – отступил Аббасов. – Предположим, вы действительно не знаете, где сейчас ваш племянник. Поговорим о другом человеке. Что вы можете рассказать об Аркадии Вольфе?

– Вольф? – Полунин в задумчивости уставился в потолок. – Фамилия, кажется, знакомая...

– Попробую освежить вашу память, – господин штабс-капитан подошел к столу и бросил на него несколько фотографий, с которых глазами, полными вселенской скорби, взирал Профессор. – Чаще всего он называет себя просто Профессором. Кстати, он профессор и есть. Нейрофизиологии и чего-то еще, в чем я не очень хорошо разбираюсь.

Придвинув фотокарточки к себе, Полунин выгнул брови дугой. Положение было таково, что он с легкостью присягнул и на Библии, что не знаком с этим человеком.

– А я должен его знать?

– Конечно, ведь вы с ним работали.

Аббасов потянулся за снимками, однако Полунин его остановил.

– Вы уверены? Я так сразу не припоминаю, но давайте посмотрю еще раз.

Он нацепил на нос очки и, подслеповато щурясь, склонился над столом.

– Аркадий Вольф возглавлял лабораторию, в которой ваша сестра писала диссертацию. А вы работали в Смольном и согласовывали финансирование их исследований.

– В самом деле? – Полунин поднял голову. – Бывают же совпадения!

– О да! – весело откликнулся штабс-капитан. – Сейчас вы удивитесь еще больше, Аллахом клянусь! Как вам такое совпадение: мозговым центром преступной группы, в которую входит ваш племянник, является тот же самый Аркадий Вольф!

Полунин, представь, что ты – честный чиновник средней руки! Ну, или хотя бы честный до определенной степени...

– Арчи при мне никогда не упоминал о нем.

– Мы подозреваем, что после закрытия Института мозга Вольф инсценировал свою смерть, обзавелся поддельными документами и продолжил свои исследования. С корыстными целями. Кто-то ему помогал. И вряд ли это был ваш сопливый племянничек, он только мальчик на подхвате.

– А вот это уже совсем не смешно, господин Аббасов! – раздраженно выпалил Полунин. – Я же вижу, куда вы ведете! Как будто я связан со всей этой уголовщиной! Я решительно протестую! Мне нечего скрывать, проверяйте, что хотите...

– Уже проверили, Леонид Семенович, не нервничайте. Если бы у меня были основания считать вас причастным, мы

разговаривали бы не в вашем кабинете, а в моем, – Аббасов продемонстрировал золотой зуб в углу рта.

– Конечно, я не причем. Наверное, этот ваш профессор... как его?.. Вольф! Он втянул Арчибальда в свои темные дела.

– Значит, с профессором вы отношения не поддерживаете?

– Я и сейчас не могу вспомнить, общался ли хоть раз с ним лично!

– Что ж... – господин штабс-капитан протяжно вздохнул. – Не стану больше отрывать вас от работы. Вам же не нужно объяснять, что, когда Арчибальд объявится, вы должны сразу мне сообщить, – он протянул визитку, отсалютовал и, стоя на пороге, обернулся. – Ах да, чуть не забыл! Если соберетесь куда-нибудь из города, сообщите мне, чтобы не пришлось за вами лишний раз бегать.

Он запер кабинет, проигнорировал возмущенные замечания томящихся в очереди, предупредил в секретаря в справочном, что будет после обеда, вышел на обледенелый тротуар и заскользил к своей машине. Полунин несколько раз осмотрелся по сторонам, прежде чем сесть внутрь, но ничего подозрительного не заметил. Двигаясь по проспекту, он постоянно бросал взгляды в зеркало заднего вида. Если к нему и приставили наружку, то работали профессионалы, которые не давали так легко себя обнаружить.

На парковке у бистро свободное место нашлось без про-

блем. Он не торопился вылезать. Ждал, кто заедет следом за ним. Прошло несколько минут, однако никто на стоянку не завернул. Только тогда Полунин выбрался из машины и поискал глазами знакомый внедорожник, но, похоже, было слишком рано.

Заняв столик в самом дальнем углу, откуда просматривался весь зал и вход, Полунин не спеша прихлебывал из бумажного стаканчика кофе и отламывал пластмассовой вилкой маленькие ломтики блина с пересоленным куриным фаршем. Не бог весть что, но соответствует его положению. Сейчас лучше отказаться от привычки обедать в ресторане «Чернигофф».

На дне размокшего стаканчика осталась только бурая жижа, когда в бистро появился Могильщик. Надвинув на глаза шапку и отворачиваясь от камер наблюдения, он нашел свободную кассу, быстро сделал заказ и, получив поднос с едой, на несколько секунд замешкался, обводя взглядом помещение и подыскивая место. Он лавировал между занятых столов, пока не оказался возле Полунина.

– Тут не занято? – спросил Могильщик.

Полунин, не поднимая глаз от тарелки, утвердительно промычал. Могильщик устроился на стуле и склонился над подносом. Едва притронувшись к еде, он тихонько заговорил, как будто обращаясь в пространство:

– Старика больше нет. Малой исчез.

Полунин отодвинул тарелку, сложил руки на груди и при-

нялся рассматривать натюрморты на стенах. На щеках задвигались желваки.

– Что значит «нет»? – уточнил он.

– Мертв.

Голос Могильщика звучал совершенно буднично. Таким же тоном, наверное, он рассуждал о прогнозе погоды.

– Какого черта?! Зачем ты это сделал?

– Не моих рук дело. Он умер до моего приезда. Думаю, сердце отказало.

– А Арчи где?

– Не знаю. Когда я приехал, его уже не было в доме. Только труп старика. Еще теплый. Похоже, сердечный приступ. Машины не было. Я решил, что Арчи уехал. Упаковал тело, повез. Километрах в двадцати обнаружил «жигули» на обочине. Не знаю, почему парень бросил машину. Пришлось с ней тоже повозиться – загнал в старый карьер и снегом присыпал. Раньше весны вряд ли обнаружат. Профессора не найдут никогда.

Полунин смял стаканчик из-под кофе и кинул в ближайшую урну.

– Не вовремя старик помер, ох как не вовремя... Ты все правильно сделал. Спасибо. Но почему Арчи ударился в бега?

– Без понятия.

Все пошло наперекосяк. Не сказать, что Полунин сильно горевал о старике, но нужно было встретиться с Профессо-

ром, пока тот не уволок свои секреты в могилу. Выходит, что этот шанс упущен. И, самое главное, непонятно, что теперь говорить господину Коростелю.

С господином Коростелем Полунин познакомился накануне. Он только вернулся в город, оставив Профессора и Арчи в деревне. Устав с дороги, он позволил себе немного расслабиться, поэтому не заподозрил неладного. Полунин вошел в свою квартиру, разулся, скинул куртку, а потом обнаружил в своем кабинете лысого мужчину с невыразительными чертами лица, из-за чего Полунин сходу окрестил его Фантомасом. Фантомас по-хозяйски устроился за письменным столом. Он был одет в строгий деловой костюм серого цвета, под которым сверкала белоснежная рубашка. Дополнял картину галстук чудовищной красно-голубой расцветки.

– Не вздумайте кричать или падать в обморок, Леонид Семенович, – с порога предупредил Фантомас. – Я не вор и не грабитель и не собираюсь делать вам больно. Во всяком случае, пока.

Понадобилось несколько секунд, чтобы Полунин вернул себе самообладание.

– Темнеет уже. Можно я включу свет?

– Не возражаю.

Полунин придвинул стул и сел напротив незваного гостя.

– Моя фамилия Коростель, – представился Фантомас. – Я здесь от имени... м-м-м... одного ведомства, которое край-

не заинтересовано в сотрудничестве с вами, Леонид Семенович.

– Жандармерия? Комбез?

– Силовики... – Коростель презрительно поморщился. – Нет, мы не имеем отношения к этим головорезам.

– О каком же ведомстве идет речь? И чем я, собственно, могу помочь?

– Не надо казаться глупее, чем вы есть. Я знаю, что вы весьма сообразительный и опытный человек...

– Надеюсь, вы вломились в мою квартиру не за тем, чтобы отвешивать комплименты моим умственным способностям.

– Вломился? – Коростель выглядел оскорбленным. – Да ваши замки и взламывать не нужно! На вашем месте, кстати, я относился бы внимательнее к вопросам безопасности. Особенно – с учетом ваших занятий в свободное от госслужбы время.

– Я – скромный сотрудник биржи труда, господин Коростель. На что вы намекаете?

Визитер откашлялся.

– Скромность, Леонид Семенович, вряд ли относится к числу ваших добродетелей. Да и вообще с добродетелями у вас, простите, туго... Я предлагаю закончить обмен любезностями и перейти к делу. Можете не опасаться и говорить откровенно – никаких «жучков» тут нет, я проверил. Ловить вас на слове не входит в мои планы, не беспокойтесь.

– Я вас слушаю, – Полунин прикрыл рот ладонью, сделав

вид, что сдерживает зевок.

– Прежде всего, вам очень повезло, что силовики такие тупые и с большим опозданием вышли на вашу лабораторию. Вы, конечно, ловко, как бы это сказать, замаскировали Вольфа. Даже странно, как жандармы заподозрили неладное. Еще удивительнее, кто их надоумил внедрить вам подсадного. Наверное, коллеги из комбеза постарались.

Полунин предпочел оставить слова Коростеля без комментариев и постарался ничем не выдать волнения.

– Я хочу, чтобы вы, Леонид Семенович, отныне и навсегда зарубили себе на носу, что деваться вам некуда. Никакого запасного выхода для вас не существует. Есть только два варианта. Вы сотрудничаете со мной и организацией, которую я представляю. Либо попадете в руки жандармерии и комбеза, а там вам точно ничего хорошего не светит. У них методы работы иного рода, чем у нас.

– Значит, вы из пенсионной инспекции?

– Могли бы сразу догадаться, – заметил Коростель. Он вышел из-за стола и сунул Полунину под нос удостоверение. – Вот, чтобы у вас не возникало сомнений.

Из документа с гербовой печатью следовало, что Виктор Григорьевич Коростель является статс-инспектором контрольно-ревизионного отдела Северо-Западного управления Пенсионного фонда.

– В сложившихся обстоятельствах, я понимаю, что вы никому не доверяете, – продолжил Коростель. Он присел на

край письменного стола. – Что я могу сказать? Прислушайтесь к своей интуиции, внутреннему голосу, природному чутью или что там у вас есть за душой. Только я могу вам помочь. Разумеется, в обмен на ваше сотрудничество.

– Я до сих пор не услышал, что от меня требуется.

– Информация. В наши дни это самый ценный продукт. Для начала, где находится Вольф?

Похоже, с этим человеком играть в кошки-мышки – занятие опасное, но сходу раскрывать карты...

– В безопасном месте.

– Вы уверены?

– Насколько это возможно. Значит, вас интересует именно он?

Коростель кивнул.

– Тогда, пожалуй, нам стоит обсудить условия.

– Условия? – от удивления на гладком лбу Коростеля проступили морщины. – Похоже, вы все-таки не совсем верно оцениваете свое положение.

– А мне кажется, что невежливо и неосмотрительно начинать деловые переговоры с угроз.

– Вы интересный собеседник, Леонид Семенович. Хорошо, предположим, я согласился. Какие условия вы намерены обсудить?

– Во-первых...

– То есть будет и «во-вторых»? – прервал его Коростель с явным неудовольствием в голосе.

– Это зависит от того, что вы мне ответите. Мне нужно то же, что и вам. Информация.

– Спрашивайте, а там – поглядим.

– Я хотел бы знать больше. Что происходит? Почему за нами началась охота? Зачем вам профессор?

– Вам палец в рот не клади, – Коростель посмотрел на него исподлобья. – Я ведь вижу, чего вы добиваетесь. Пока вам неизвестно, кто, зачем и почему, вы действуете вслепую, а, значит, рискуете допустить промашку. Представляя картину в целом, вы станете полноценным игроком. Но мне нет никакого смысла улучшать вашу позицию, Леонид Семенович. При всем уважении.

– Что бы вы там себе не думали, но я уже в игре, – обезоруживающе улыбнулся Полунин. – Иначе явились бы вы сюда и выпрашивали у меня профессора?

Коростель лихо спрыгнул со стола и наклонился. Его зрачки зловеще сужались и расширялись, а на виске пульсировала жилка. Полунин почувствовал на коже его учащенное дыхание.

– Будет большой ошибкой воображать, что вы управляете ситуацией, – Коростель угрожающе цедил слова сквозь зубы. – Вы представить не можете, какие силы пришли в движение. Не успеете оглянуться, как вас сотрут в порошок. Поэтому прекращайте фантазировать, что прихватили меня за яйца, и вернемся к тому, с чего начали.

Полунин нащупал в кармане носовой платок, однако де-

монстративно вытирать лицо не рискнул.

– Я готов к диалогу и могу помочь вам с профессором, – успокаивающим тоном сказал он. – Но сначала должен узнать, зачем он вам нужен. Вдруг вы хотите нанести ему вред. Отдать вам на съедение старого приятеля? Это не в моих правилах.

Коростель зажмурился на пару секунд и громко втянул в себя воздух. Потом открыл глаза и пронзил Полунина долгим немигающим взглядом. Что-то очень мрачное, темное и опасное притаилось в глубине его зрачков. Он выпрямился, достал сигарету и закурил, не заботясь о том, что пускает дым в лицо собеседнику.

– Леонид Семенович, вы со своей гоп-компанией допустили вопиющую бестактность, – Коростель явно сдерживался, чтобы не взорваться; Полунина не покидало ощущение, что количество воздуха в помещении стремительно сокращается. – В этой стране только государство имеет право умерщвлять своих граждан. Вы это право присвоили себе незаконно. Уголовное уложение дает совершенно недвусмысленную оценку этому преступлению. Если бы у жандармерии были улики против вас, вы уже были бы в наручниках. Насчет профессора и вашего племянника у них сомнений не осталось. Но вам повезло. Пока только я один знаю о вашем участии в этом... как бы лучше выразиться... предприятии. Вы на свободе только потому, что мне нужен профессор. Я готов пойти на какие-то одолжения. Например, утолить ваше лю-

бопытство. Однако после этого хотелось бы услышать от вас что-нибудь дельное. В противном случае, Леонид Семенович, вы на своей шкуре узнаете...

– Не тратьте время на угрозы. Все я понимаю.

– Да? А так ведь и не скажешь, – чуть спокойнее отреагировал Коростель. – Поверю вам на слово, уж так и быть.

Полунин незаметно выдохнул.

– Вы уничтожили лабораторию вместе с чудо-установкой профессора?

– Других вариантов не оставалось.

– Вот поэтому мне и нужен профессор. Он нужен, чтобы заново построить установку.

Полунин проверил кабинки – в туалете никого не было. Спустя минуту следом за ним вошел Могильщик. Он сделал одно неуловимое движение брови, которое подразумевало вопрос, все ли в порядке, а шеф просто кивнул в ответ.

– Есть идеи, куда подался Арчи? – тихо спросил Полунин, открыв кран с водой на полную силу.

Могильщик пожал плечами.

– Сложно сказать. В доме я нашел его вещи. Так что это больше похоже на спонтанное бегство.

– Чертов мальчишка! – не сдержался Полунин. – На квартире у него был?

– После той ночи у него побывали жандармы. Я ничего не успел.

– Скверная история... Давай, рассуждать логически. Он нигде, кроме Питера не бывал. Поэтому не думаю, что он направился в сторону столицы. Разумно?

Дверь открылась, и в туалет вошел мужчина, дожевывающий пищу. Судя по внешнему виду, скромный служащий. Полунин сунул руки под струю горячего воздуха из сушилки, а Могильщик укрылся в кабинке. Клерк неторопливо справил нужду, громко цыкая, как будто у него что-то застряло в зубе. Потом встал у раковины и долго мусолил в ладонях обмылок, временами подглядывая за своим отражением в зеркале. Полунин методично орудовал расческой, приводя в порядок поредевшую шевелюру. Служащий деликатно избегал встречаться с ним взглядом и, измочалив несколько бумажных полотенец, вышел из туалета.

В кабинке зажурчала вода, щелкнул замок и появился Могильщик, поправляя брючный ремень.

– Если он вернулся в город, то должен был первым делом связаться с тобой. Ему же больше деваться некуда, у него никого нет, – сказал он.

– Никого нет... – задумчиво повторил Полунин и тут же спохватился: – Как же! У него же есть эта девчонка, Карина! Ты знаешь, где она живет?

Кажется, Могильщик даже обиделся такому вопросу, ставшему под сомнение его компетентность.

– Срочно возьми ее дом под наблюдение. Если заметишь Арчи, сразу дай мне знать. В крайнем случае, можешь по-

звонить по мобильному с этой сим-карты.

Могильщик забрал карточку и, не попрощавшись, вышел из уборной. Полунин нахмурился, представив, какой ему предстоит разговор.

Полунин хотел встретиться в тихом и безлюдном месте, однако Коростель назвал это полной глупостью. «Похоже, вы в детстве пересмотрели фильмов про шпионов», – язвительно заметил он. Куда безопаснее встречаться там, где ежеминутно проходят сотни человек и слежка практически невозможна. В шесть часов, у входа на Думскую линию Гостиного базара. Оставалось только согласиться.

На месте встречи действительно было очень многолюдно. Полунину пришлось прижаться к стене, чтобы его не задевали локтями, плечами, баулами и пакетами. Он не заметил, как из череды незнакомых физиономий материализовался Коростель, который уверенно взял его под локоть и потянул за собой. Они прошли внутрь через турникеты и слились с потоком потенциальных покупателей. Справа и слева от них теснились торгаши, некоторые из которых, похоже, совсем недавно прибыли из Бухары. Здесь можно было выбрать сельджукские ковры, индийские специи, утепленные халаты, китайскую электронику, лечебный чай, циновки из экологически чистых материалов, походные шатры, тренировочные костюмы «Найкидас», специальные издания Корана (одобренные министерством религиозной гармонии),

непомерно больших размеров куртки из «100 процентов кожи буйвола», цыганское золото и т. д. Со всех сторон бурлила чужеземная речь, продавцы надсадно перекрикивали друг друга, переманивания покупателей.

– Что-то я не вижу профессора.

– Я вас за тем и позвал. Плохие новости.

– Вы же в курсе, как в прежние времена поступали с гонцами, принесшими дурные вести.

– Его больше нет, – признался Полунин.

– Простите, что?

– Он умер.

Полунин услышал, как Коростель грязно выругался сквозь зубы, помянув и бога, и душу, и чью-то (вероятно, Полунина) мать.

– Вы уверены? При каких обстоятельствах?

– Не знаю, что произошло. Когда мой человек приехал за ним, тело уже остыло. Вся эта история с побегом сильно его подкосила. Он и так был не богатырского здоровья.

– Может быть, вы продолжаете прятать его и просто пудрите мне мозги? – Коростель больно сжал локоть Полунина.

– Я не вру. Если хотите проверить, у меня есть координаты захоронения.

– Я подумаю об этом, – сказал Коростель и на некоторое время задумался. – Мне крайне жаль, Леонид Семенович, но ваша ценность для меня стремительно падает. Вам лучше предложить что-то существенное, пока я, как честный и от-

ветственный сотрудник госслужбы, не сообщил своим коллегам из жандармерии все, что мне известно о вашей персоне.

– Возможно, архив профессора...

– Мимо. Мне известно, что ребята из жандармерии первым делом вцепились в его домашний компьютер и вроде бы обнаружили что-то похожее на архивы. Но они под паролем, который не поддается взлому. Абсолютно. Вы случайно пароль не знаете?

Полунин покачал головой.

– Жаль. Это сделало бы вас очень важной фигурой для меня. Я бы даже сказал бесценной!

– Мой племянник Арчи. Скорее всего, он последний, кто видел профессора живым. Он может что-то знать.

– Хотите сказать, что вас рано списывать со счетов, Леонид Семенович? Ну что ж, продолжайте. Где этот ваш Арчи?

– Тут не все так просто...

– Не нужно меня дразнить, Леонид Семенович!

– Нет-нет, не в том дело. Его что-то напугало, и он подался в бег. Но Арчи наверняка вернется в город со дня на день.

Коростель остановился, не обращая внимания на толчки и ворчание со всех сторон.

– Так и быть. Я подожду. Два дня, не больше. И не пытайтесь сбежать. Найду.

Полунин кивнул, и они вновь двинулись в ногу с потоком. У него на поясе завибрировал телефон. Пришло короткое

сообщение на электронную почту с анонимного ящика, но от кого оно, сомнений не оставалось. «Есть что обсудить. Свяжусь позднее».

– Хорошие новости, – наклонился Полунин к уху собеседника. – Арчи объявился.

– Он в Петрограде?

– Похоже на то.

– Он должен быть осторожнее. Вы, кстати, тоже. Если жандармы прихватят вас вместе, при всем желании я не смогу помочь.

Полунин слушал советы Коростеля, молча кивая. Они миновали Думскую галерею, продрались через Ломоносовскую, где особенно бойко торговали восточными сладостями, и неспешно направились в обратную сторону к Невскому проспекту, выйдя на Садовую улицу, чтобы подышать свежим воздухом.

– Хотелось бы все же вернуться к вопросу гарантий, – осторожно начал Полунин.

– Леонид Семенович, ну какие тут могут быть гарантии, – немного усталым голосом ответил Коростель. – Я обещаю, что, если вы поможете, сделаю все от меня зависящее, чтобы спасти вас.

– А что будет с Арчибальдом?

– Вас беспокоит его судьба? Странно, на вас не похоже. У вас есть планы на него?

Старший Полунин предпочел промолчать.

– Все зависит от того, что вы мне дадите, – сказал Коростель.

– Я хочу выехать в Евроштаты. С племянником.

– Рассчитываете там прикупить немного сыворотки?

– Она мне не повредит. Годы-то идут, а здесь мне ловить нечего.

– Это возможно. При определенных условиях.

Вновь завибрировал телефон. На экране высветился номер сим-карты, которую Полунин вручил Могильщику. Сообщение было коротким, но Полунину пришлось прочитать его несколько раз, прежде чем он осознал его смысл. Непослушными руками он убрал мобильник и хлопнул Коростеля по плечу, призывая остановиться. Тот обернулся, увидел шальные глаза Полунина и замер как вкопанный.

– С Евроштатами я немного поторопился, – севшим голосом сказал Полунин.

Ее поместили в камеру к трем проституткам, одна из которых, не умолкая, причитала на мове. Среди прочего Карина разобрала «зловили покидьки», «папери видибрали» и «бацьки в публичный будинок ходити не велили». Две другие беззастенчиво рассматривали Карину одновременно презрительно и торжествующе.

Хотя проституцию давно легализовали и по индексу социальной значимости продажная любовь ценилась даже выше, чем труд дворников и грузчиков, представительницы древнейшей профессии по-прежнему были тесно связаны с преступными кругами. Чаще всего они попадались на незаконном хранении и распространении наркотиков. С откровенным криминалом они связывались, надо полагать, не от лучшей жизни – официальные налоги съедали весомую часть дохода.

Радуйтесь, радуйтесь, шалавы. Думаете, вот попалась богатенькая, как кур в ошип, растеряна и всего боится, того и гляди в обморок свалится.

Карина и вправду была напугана, но держала страх в узде. Главное, не отпускать поводья. Иначе паника понесет во весь опор, а там уже не остановить. В конце концов, не в тюрьму же посадили, а бросили в КПЗ районной жандармерии – специально, чтобы поиграть на нервах, расшатать, выбить поч-

ву из-под ног. Такие у них методы, а ничего другого против нее нет. Совесть Карины чиста, чтобы там ни думал Игорь. В одном он оказался прав: опять идти к Арчи домой не следовало. Другу она этим никак не помогла, а на свою задницу нашла приключений.

Это всего лишь временное неудобство, которое нужно пережить, дорогая, уговаривала она себя. Ведь ты же можешь. Сколько по закону полагается без предъявления обвинений? Двое суток, вроде бы. А прошло уже сколько?

Оставалось неясным, что же такого натворил Арчи. Жандармы носились как угорелые, словно каждому вкололи по дозе скипидара в филейную часть тела. Наблюдения за их суетой наводили на самые мрачные предположения. Но это же Арчи, с которым столько лет знакомы! Не ангел, конечно, но и не демон. История со спаленными иномарками чиновников из районной управы осталась в прошлом. В ту ночь он объяснил Карине, почему пошел на преступление: владельцы машин лично несли ответственность за то, что его мать осталась без работы. Но Арчи обещал впредь избегать подобных глупостей. Когда неожиданный звонок жандармов заставлял ее усомниться в том, что он держит данное слово, Арчи списывал проблемы на свое пристрастие к поздним прогулкам. Карина верила, потому что хотела верить.

Еще она размышляла о том, какие действия предпримет Игорь. Мобильный телефон у нее отобрали сразу, еще в квартире Арчи. Карина требовала, чтобы ей разрешили со-

общить мужу, напоминала о законном праве на один звонок и, вообще, какого черта, и в чем ее обвиняют?! Однако жандармы только посмеялись и оставили без внимания ее выступление. Пусть они поругались с утра, да и потом Игорь вел себя не слишком мужественно, однако Карина не сомневалась, что Игорь ее разыскивает. И, в конце концов, вытащит на свободу. Его банк как-то связан с государственными структурами, значит, должны быть знакомые, которые могут оказать содействие. Главное – ждать и ничего не подписывать.

– Сигареты есть? – подала голос проститутка, сидевшая на корточках в углу камеры. Среди остальных она выделялась грубыми чертами лицами, неопрятными крашеными волосами и чересчур тонкими губами.

Поначалу оставалась слабая надежда, что она обращается к одной из своих товарок, но она пропала после того, как вопрос вновь повторился.

– Не курю, – ответила Карина.

Прислонившись спиной к стене у входа в камеру, Карина хотя бы не сомневалась, что никто не нападет на нее сзади.

Проститутка выпрямилась во весь свой внушительный рост и в несколько широких шагов приблизилась.

– Бережешь себя, курва? – прогундосила проститутка, вцепилась в воротник карининой шубки и хорошенько встряхнула.

Не раздумывая, Карина резко отмахнулась левой рукой, а

правой открытой ладонью влепила обидчице пощечину. Та дернулась, отпустила воротник и удивленно заморгала. Ее подруги моментально поднялись на ноги. «Что сейчас будет...» – мечтательно произнесла одна. Карина напряглась. Ей не приходилось участвовать в женских драках, но, благодаря реалити-шоу, она имела представление об этом безобразии: противницы вцепляются друг дружке в волосы, пытаются выцарапать глаза и лягаются, как дикие косули. Воспитанные телевидением стереотипы сыграли с ней злую шутку – она оказалась не готова к дальнейшему развитию событий. Дылда криво ухмыльнулась, а затем резко, без размаха, ткнула Карину кулачищем в правый бок. Боль пронзила все тело, зрение затуманилось, перехватило дыхание. Ноги подкосились, но проститутка подхватила ее под мышки и не дала сползти на пол. Пока Карина ловила ртом воздух и беспомощно мотала головой, с нее бесцеремонно сорвали шубку, а затем позволили упасть на четвереньки.

Очень хотелось заплакать – от боли и от обиды. Но нельзя было доставить им такое удовольствие. Будь она крепким героем боевика, Карина непременно процедила бы сквозь зубы что-нибудь вроде: «Ты бьешь как баба». Но какой там герой! Даже героиня из нее выходила не очень... Что я здесь делаю, думала она. Я – учительница истории в старших классах. Мой муж – банковский управленец среднего звена. В позапрошлом году мы взяли кредит и купили квартиру. Отдавать деньги придется еще шесть лет, но с этим никаких

проблем, ведь Игорь хорошо зарабатывает. В следующем году ему обещали повышение и даже, возможно, бонус – сыворотку. А через несколько лет можно завести ребенка. Пока эта идея не очень нравится Игорю, но, наверняка, со временем все изменится. В общем, совместная жизнь, более или менее, просматривалась на десятилетия вперед... Трудно в это поверить, когда лежишь на вонючем полу в камере и пытаешься восстановить прерванное дыхание.

Какие-то доли секунды она была готова обвинить во всех бедах Арчи, но прогнала дурацкие мысли. Это было бы нечестно и несправедливо. Ведь долгие годы он оставался единственным человеком после отца и сестры, с кем удавалось ладить. С девчонками никогда не получалось. Они казались вредными, избалованными и глупыми, и, сколько ни пыталась, Карина ни с одной из них не сблизилась. Из-за этого она чувствовала себя очень некомфортно. Мальчишки же вели себя как сплоченная банда – затесаться в их ряды было невозможно. Пока однажды она не обратила внимание на Арчи, который удивительным образом тоже оказался в стороне от коллектива. На прогулке Арчи обосновался в самой дальней песочнице и упоенно возился с солдатиками и машинками. Карина с осторожностью дикой кошки, постепенно сужая круги, подобралась к жертве, неуверенно взяла в руки пластмассовую фигурку и рискнула вступить в игру. Арчи взглянул на нее и серьезным тоном объяснил: «Это вождь. Если он погибнет, племя проиграло». А она поняла,

что не может сдерживать улыбку. Вот так и началась их дружба. Когда они пошли в первый класс, им вслед постоянно несло «жених и невеста». Помнится, Арчи хмурился и краснел, но терпел издевки, хотя было видно, что для него происходящее весьма унижительно. Карине же, понятное дело, подобные намеки были весьма приятны. Как и любой другой девочке.

Воспоминания помогли пережить самые неприятные мгновения. Она перестала всхлипывать и даже различала фигуры сокамерниц в углу. Напоминая мартышек в зоопарке, они вырывали друг у друга ее шубку.

За спиной лязгнули засовы, и дверь камеры распахнулась.
– Вечтомова! На выход!

Карина потрясла головой, чтобы окончательно разогнать мусть в глазах, и в несколько приемов поднялась с колен. Проститутки подозрительно следили за ней. Неожиданно для самой себя Карина по-хулигански подмигнула им и, прижимая локоть к ушибленному боку, проковыляла в коридор. Там ей приказали встать лицом к стене и соединить руки за спиной. Щелкнули браслеты. Кисти ощутили холод металла. Второй раз за день.

В конце похода по мрачным жандармским закоулкам ее ждала комната для допросов. Карина вошла, и дверь сразу захлопнулась, едва не ударив ее.

Через единственное зарешеченное окно было видно, как в вечерней тьме мечутся крупные снежные хлопья. Спиной

к окну, за единственным столом в комнате, сидел молодой офицер в серой форме. Светловолосая голова нависла над раскрытой папкой. Он что-то старательно выводил шариковой ручкой и на Карину глаз не поднимал.

В таких помещениях, ей казалось, полагалось иметь специальное стекло, с одной стороны – зеркальное, а с другой прозрачное, чтобы важные персоны могли незаметно наблюдать за ходом допроса. Однако в этой комнате ничего подобного не было. Обычный служебный кабинет с минимумом мебели: кроме стола и кресла следователя имелся лишь казенный стул, при одном взгляде на который ломило поясницу. Стены выкрашены практически бесцветной краской. Под потолком тихонько гудели люминесцентные лампы, излучающие мертвенный, бледный до синевы свет. А в дальнем углу под потолком мигал зеленый индикатор видеокамеры. Надобности в специальном стекле действительно не было.

Карина переступила с ноги на ногу, откашлялась, но офицер по-прежнему не обращал на нее внимания. Тогда она сделала несколько шажков и попыталась устроиться на стуле.

– Разве я сказал, что можно сесть?! – гаркнул белобрысый жандарм.

Карина неловко выпрямилась. Из-за скованных за спиной рук это было не так просто сделать.

Блондин отложил ручку в сторону и захлопнул папку. У него были водянистые юркие глаза, и он все время капризно кривил рот. Скрытый садист и содомит, мстительно подума-

ла Карина. А, может, и не скрытый.

– Понравилось в камере?

Вместо ответа Карина повела плечом.

– Отвечай, когда спрашиваю! – он опять повысил голос.

Она вздрогнула.

– Не хуже, чем здесь.

– Поначалу все из себя героев строят, – его губы растянулись в хищном оскале, и жандарм стал похож на хорька. –

Посмотрим, насколько тебя хватит.

– Мы на брудершафт не пили, кажется.

Следователь выставил в ее сторону ухо и приложил к нему ладонь, словно не расслышал. Затем поднялся из-за стола и обошел Карину со спины. Она чувствовала у себя на шее его влажное дыхание. Хренов педераст!

Сначала Карина слышала, как хрустнули плечи, и только потом из глаз непроизвольно брызнули слезы от боли. Потребовалось время, чтобы она осознала, что с ней происходит: этот извращенец взялся за браслеты и резко вздернул их вверх, вывернув Карине руки. Что-то вроде упрощенного варианта дыбы. Или «ласточкой» это у них называется? Господи, никогда в жизни не было так больно!.. Наверное, оба плеча вывихнул, гад, хотя известно ли мне, какие при вывихе ощущения? Но как же больно!

Сколько длилась экзекуция? Минуты, часы или вечность? Наконец садист отпустил браслеты, и Карина рухнула на колени. Опять.

Она хлюпала носом и заставляла себя дышать ровно, чтобы не разрыдаться. Суставы разрывало от боли, и было невозможно пошевелить даже пальцем.

– Что тут происходит? – прозвучал над ней спокойный голос с характерным южным акцентом.

Карина подняла голову. В комнате возник тот жандарм, который застукал ее в квартире Арчи. Его появление вызвало у белобрысого садиста легкую панику.

Вошедший раскачивался с пяток на носки и обратно. Карина заметила собственное размытое отражение на голенищах его начищенных сапог.

– Вон отсюда! – коротко приказал он.

Блондин засуетился, зачем-то принялся судорожно застегивать воротничок, не справился и неуловимой тенью метнулся за дверь. Разыграно, как по нотам, отметила про себе Карина.

Штабс-капитан наклонился и помог ей подняться с пола. Заботливо усадил на стул, вызвал дежурного из коридора и потребовал немедленно снять браслеты. Освобожденные руки безвольно повисли вдоль тела. Навалился новый приступ боли. Она набралась мужества и попробовала помассировать себе плечи. Руки, хоть и плохо, но слушались.

Ее спаситель занял место дознавателя за столом. С задумчивым видом перелистнул несколько страниц в папке и закрыл ее.

– Понапишут, – пожаловался он; «шут» на конце прозвуч-

чало примерно как «щют».

Карина растерла запястья и за неимением платка вытерла нос рукавом.

– Салфетку? Воды?

Она покачала головой.

– Как хотите, – штабс-капитан являл собой самую любезность. – Я бы хотел, чтобы вы успокоились, прежде чем мы начнем беседу.

У него были узкие хитрые глаза, из-за которых он сильно напоминал матерого лиса.

– Беседуем? Называйте вещи своими именами. Это больше похоже на допрос.

– Ну, с точки зрения закона, вы правы. Но мы же интеллигентные люди, – из его уст «мы» прозвучало как «ми». Помимо этой склонности к смягчению окончаний он практически не коверкал русские слова. – Посидим, поговорим по душам. Потом расстанемся друзьями, а?

У Карины вырвался сдержанный смешок.

– Тогда зачем это представление: арест, наручники, камера?

– Во-первых, вы не арестованы, а задержаны. Это разные вещи, – возразил штабс-капитан. – Но я понимаю ваше негодование. Прошу прощения за своих подчиненных. Но их тоже можно понять. Даже не представляете, с каким контингентом им приходится работать: убийцы, жулики, ворье, публичные женщины...

– Не представляю, как я связана с этим вашим контингентом.

Штабс-капитан характерным жестом ткнул в переносицу указательным пальцем, будто поправлял невидимые очки. Он раскрыл папку, извлек фотографию и бросил перед собой на стол.

– Вот, посмотрите.

Карина с трудом оторвалась от стула. На карточке крупным планом отпечаталось лицо мертвеца: глаза закатились, рот жутко оскален, натянутая кожа лоснится, а во лбу зияет страшная рана, в которой поблескивают острые осколки черепа.

Она отшатнулась и упала на стул.

– Кто этот человек? – выдавила из себя Карина.

– Наш сотрудник.

Чтобы задать следующий вопрос, ей пришлось собраться с силами. Предчувствие неминуемой катастрофы сжало сердце ледяными костлявыми пальцами.

– Кто его убил?

– Мы подозреваем вашего старого знакомого – Арчибалда Полунина.

В глазах потемнело и поплыло. Карину вновь скрутил приступ удушья. Вдобавок откуда-то из глубины живота подступила тошнота. Ее не вырвало, наверное, только потому, что она уже давно ничего не ела.

– Вам плохо? – приглушенно донеслось издалека, как ес-

ли бы она находилась на дне океана, а до нее пытались докричаться с берега.

Такое уже было очень давно, еще в школе. Она почти утонула, но чьи-то уверенные руки схватили ее и потащили наверх, к воздуху, а потом оказалось, что это Арчи сообразил раньше всех, пока одноклассники продолжали барахтаться с пенопластовыми досками, а тренер флиртовал с полуголыми старшеклассницами.

Похоже, теперь Арчи тянул ее ко дну.

Она провела шершавым языком по небу. Пожалуй, стакан воды действительно не помешал бы.

– Пить, – прошелестели помертвевшие губы.

Штабс-капитан исчез из размытого поля зрения, но скоро вернулся с наполненным водой пластиковым стаканчиком. Карина чуть не выронила его из слабых пальцев. Она казалась себе запертой в аквариуме, отделенной от остального мира мутной преградой. Примерно также бездушная рыбка смотрит на своего хозяина, который мелькает тенью за стеклом и иногда заслоняет своей фигурой свет.

– Можем продолжать? – потряс ее за плечо штабс-капитан.

Карина допила и кивнула. Он забрал у нее пустой стакан и выбросил в мусорное ведро. Вернулся на свое место за столом.

– Плохая ситуация. Вы крепко увязли, Карина. Но я помогу вам, если вы поможете мне.

– Почему вы решили, что это сделал Арчи?

– Факты. Они против него. Других подозреваемых нет. Последний, с кем контактировал убитый, ваш друг. После этого мы нашли нашего агента вот в таком виде, – штабс-капитан постучал ногтем по фотографии.

– Как-то не похоже на неопровержимые улики.

Зрению вернулось четкость. Карина увидела, как штабс-капитан недовольно поморщился, словно надкусил недозрелое яблоко.

– Поясню. Мне от вас нужны только показания. Не обольщайтесь. Вы ничем не поможете своему другу. Но ваша собственная судьба зависит от того, договоримся ли мы с вами.

– Договоримся о чем?

Штабс-капитан вместо ответа выудил из папки листок с напечатанным текстом и положил поверх фотографии и жестом предложил Карине ознакомиться. Она быстро пробежалась глазами по строчкам. Это был протокол допроса свидетеля Карины Валерьевны Вечтомовой. Все-таки свидетель! Из текста следовало, что она, будучи много лет знакома с Арчибальдом Александровичем Полуниным, неоднократно обращала внимание на его странное поведение, выражавшееся в замкнутости и раздражительности. По ее наблюдениям, у гражданина Полунина, который подозревается в преднамеренном убийстве с отягчающими обстоятельствами, существует нелегальный источник дохода. Он лично несколь-

ко раз рассказывал, что входит в некую подпольную организацию, цели которой состоят в дестабилизации обстановки в обществе, а также дискредитации пенсионного законодательства. Внизу страницы осталось место для даты и подписи.

К щекам прилила кровь. Карина подняла взгляд на штабс-капитана. Тот на секунду замешкался.

– Не торопитесь с выводами, Карина. Может быть, он ничего такого и не говорил. Но это очень близко к действительности, – попробовал он ее успокоить.

– Это ложь! – она брезгливо отшвырнула от себя донос. – Он не мог этого сделать!

Аббасов следил, как лист медленно планирует на пол. Затем вышел из-за стола, кряхтя, наклонился, чтобы поднять документ. Выпрямившись, он удрученно покачал головой.

– Как же не сделал! Почему он тогда скрывается, а? – офицер уговаривал ее, как малого ребенка. – Если он ни в чем не виноват, пришел бы к нам, все объяснил. Что ж мы, звери какие, не понимаем ничего. А он прячется. Может, подскажите, где его искать?

Очень хотелось плюнуть в его притворно доброжелательную физиономию, но у Карины опять пересохло в горле, да и выглядело бы это слишком театрально.

– Даже если бы знала, все равно не сказала!

– Я так и думал, – печально сказал штабс-капитан. – Вы должны понять, что у вас есть только два варианта: либо вы

пойдете по делу как свидетель, либо – как обвиняемая в соучастии. Третьего не дано, барышня.

Для убедительности он потряс в воздухе протоколом.

– Нечего меня шантажировать! – разозлилась Карина. – Ничего у вас на меня нет!

Штабс-капитан продемонстрировал недобрый оскал.

– Вы заблуждаетесь, Карина. Что каждый из нас знает о себе? Так, пшик!.. Сегодня ты – законопослушный гражданин – учитель в школе, а завтра признаешься в незаконной деятельности, направленной на подрыв существующего конституционного строя.

– Вы... вы... вы... – задыхаясь от гнева, она стала заикаться.

– Вам лучше успокоиться. Кажется, вы все еще не до конца осознаете, где находитесь. Доказательства – всего лишь информация. Вчера их не было, а сегодня – есть. Вам повезло, что я рано пришел в эту комнату. А то Максимка у нас большой специалист в добывании доказательств. Как он виртуозно обращается с черенком от швабры... Одно загляденье! – штабс-капитан мечтательно прикрыл глаза. – Слава аллаху, не успел вас покалечить. Он деликатничать не умеет. А я отнесся к вам с пониманием. Вижу, наивная девушка, сама не понимает, по какому краю ходит. Предлагаю выгодное сотрудничество. Жест доброй воли. Соглашайтесь, Карина, и мы расстанемся, как старые приятели. Но если нет... В следующий раз ваше общение с Максимкой может изряд-

но затянуться. Неужели вас радует такая перспектива?

Он меня просто запугивает, убеждала себя Карина. Они с самого начала устроили представление, потому что у них нет доказательств.

– Я устала. Верните меня в камеру и делайте, что хотите.

В глазах штабс-капитан блеснул зловещий огонек.

– Я понимаю, вам нужно подумать, – подозрительно жизнерадостно отозвался он. – Взвесить все «за» и «против». Только не тяните – можете опоздать. До скорой встречи, Карина!

Три проститутки напряженно наблюдали из своего угла, пока она устраивалась на шконке. Деревянное полотно, с двух сторон прицепленное к стене, откидывалось в горизонтальное положение и заменяло спальное место. Ни матраса, ни одеяла, ни подушки. Стоило подумать о том, что на этом прокрустовом ложе предстоит провести целую ночь, и Карине вновь захотелось заплакать от жалости к себе. Ей самой было непонятно, откуда у нее нашлись силы, чтобы сдержаться. Она забралась с ногами на нары, обхватила колени руками и оперлась на них подбородком. Где же Игорь?

Проститутки о чем-то шептались. Наверное, замыслили новую подлянку. Придумывали, как еще довести ее до истерического состояния.

От компании отделилась самая невзрачная из девиц. В руках у нее была железная миска.

– Пока тебя не было, ужин принесли. Вот, – негромко сказала она и поставила миску на нары.

Ужин представлял собой сероватую бурду, в которой угадывались волокна измочаленного мяса и полупрозрачные круглые дольки моркови. Карина с подозрением посмотрела на девушку.

– С чего такая милость?

Девушка оглянулась в поисках поддержки, но ее приятельницы усиленно делали вид, что разговор их несколько не интересует. Тогда она попросила Карину подвинуться и присела рядом.

– Ты не обижайся на Галку, – девушка мотнула головой в сторону костистой дылды. – Так-то она не злая, но лучше ее не трогать.

Карина хмыкнула и поковыряла ложкой в миске.

– Да я, вроде, и не лезла ни к кому.

– Это да, это ты права. Просто тут такое дело... В общем, нас попросили на тебя надавить.

Нельзя сказать, что сказанное сильно удивило ее.

– Кто попросил?

– Ясно кто – мусора. Офицер у них, из этих, – девушка пальцами оттянула уголки глаз к вискам и стала похожа на китаянку. – Аббасов его фамилия. Сказал, ты девчонка слабая, тебя только тронь – сразу скиснешь. А ему того и надо. Так-то мы его послали бы, куда подальше. Но он сказал, что если мы тебя хорошо обработаем, он не только обвинения

снимет. Обещал в правительственную сауну перевести.

– Куда? – не поняла Карина.

– Не, ну так-то у нас работа нормальная. Но правительственная сауна... – девушка явно испытывала восхищение при одной мысли о правительственной сауне. – Клиентура, понятно, только чинуши. Но самое главное – пенсионные начисления большие и премии. Кто хорошо обслуживает, тем даже каждый год! Ну, сыворотка, сечешь?

Карина показала, что еще как сечет.

– Вот мы и согласились. Ты уж прости, если что не так. Так-то мы видим, что ты девка – своя, боевая, даром что из богатеньких. Короче, не будем больше тебя травить. И шубку твою вернем, не сомневайся.

– Видимо, я должна вас поблагодарить.

Они замолчали. В углу сопела дылда Галка. Карина не представляла, что еще можно сказать. Она еще раз помешала размазнию в миске. Нужно было заставить себя поесть, но вид тюремной баланды не способствовал возвращению аппетита.

– А чего им от тебя нужно-то?

– Лучше вам не знать.

– Ну и ладно, – согласилась девушка. – Конечно, дело твое, но лучше с ними не ссорься. Для жандармов испортить кому-нибудь жизнь – только в радость. Знают толк в этом деле. Так что ты хорошо подумай, подруга.

По доброте душевной или по просьбе жандармов она раз-

говорила? Вряд ли Карина когда-нибудь узнает ответ на этот вопрос. Еще немного, и она не сможет верить никому. Возможно, такой вариант их тоже устраивает. Любые средства хороши, если в итоге они получают показания против Арчи. А раз им столь сильно понадобилось ее признание, значит, ничего конкретного против него у них нет. Не мог Арчи убить человека!

Всю ночь она вертелась на жестких досках, временами проваливаясь в липкий, беспокойный сон, в котором мелькали тревожные тени, не успевая материализоваться во что-то конкретное. К утру ей казалось, что тело несколько раз прокрутили через мясорубку. Поэтому когда принесли миски с ледяной клейкой кашей, которая считалась завтраком, Карина вздохнула с облегчением, что больше не нужно считать минуты до подъема.

Заниматься в камере было абсолютно нечем. Единственное развлечение, если можно так выразиться, – прислушиваться к разговору проституток. Они больше не приставали и шубу, как и обещали, вернули. Однако все равно держали дистанцию и беседовали вполголоса.

Первые сутки в заточении подошли к концу. Ничего не происходило, и Карина предполагала, что это лишь передышка перед новыми испытаниями. Известно же, что ожидание в неизвестности – самая изощренная пытка.

Миновал полдень, прежде чем за Кариной снова пришли.

Угрюмый конвоир привел ее к тому же кабинету, что и накануне. Он снял с нее наручники и втолкнул внутрь.

Она зажала рот ладонью, чтобы не вскрикнуть. Перед столом следователя стояли два стула, на одном из которых сидел Игорь. Больше в комнате никого не было.

Муж вскочил навстречу и обнял ее за плечи, прижимая к груди. Она сразу обмякла, зашмыгала носом, а из глаз полилось в три ручья. Если бы он не держал ее, Карина, наверное, повалилась бы на пол. Она чувствовала себя маленькой девочкой, которой нужно только одно – чтобы о ней заботились.

– Забери меня отсюда, – всхлипнула она.

Грудная клетка, к которой она прижималась щекой, поднялась и опустилась в такт тяжелого вздоха. Карине почудился призрак алкогольного перегара, скрывающийся за настырным мятным запахом жвачки. Она крепко-накрепко сцепила руки за спиной Игоря и не собиралась его никуда отпускать. Широкая ладонь гладила ее по волосам, совсем как отцовская.

– Как ты нашел меня?

– Ну как тебе сказать, – его голосу не хватало уверенности. – Это они меня нашли.

Карина отстранилась и посмотрела ему в глаза. В них мерцало чувство вины и еще что-то, заставившее ее насторожиться.

– Кто – они?

– Жандармы. Мне позвонили и сказали, что я должен приехать.

– Подожди-ка, я не совсем понимаю. То есть, ты меня не искал?

– Ну...

Его губы растянулись в виноватой и в то же время растерянной улыбке.

– Жена не ночует дома, телефон не отвечает, и ты ее не ищешь?

Улыбка растаяла без следа.

– Дорогая, мы же повздорили! Я был в бешенстве! Прости великодушно, но кто-то должен думать о нас, о нашем будущем. А твои беспечность и легкомысленность... Смотри, что с тобой стало из-за этого придурка!

Она отступила на шаг. Муж собрался взять ее за руку, но она не позволила ему этого сделать.

– Прошу, не злись, – сказал он. – Мы должны перестать ругаться, родная! Я пришел, чтобы помочь тебе. Помочь нам!

– Каким образом? – холодно осведомилась Карина.

– Ты все еще злишься, – он выглядел расстроенным. – Просто выслушай меня.

– Ладно, давай попробуем.

Игорь собрался с мыслями и продолжил:

– Ситуация очень непростая. Я не хочу знать, в чем замешан твой дружок, но ясно, что его не ждет ничего хорошего.

Его ждет тюрьма. Как минимум!

– Ты о презумпции невиновности слышал?

– Твой сарказм совершенно не к месту. Со мной разговаривал штабс-капитан Аббасов. Оснований ему не верить нет. К счастью, он уже во всем разобрался. Я ему объяснил, что ты абсолютно ни в чем не замешана, мол, Арчибальд воспользовался твоей доверчивостью и добротой. Штабс-капитан настолько любезен, что готов снять с тебя все обвинения и отпустить домой. Ты только подпиши, что он просит, и мы уйдем из этого мрачного места.

Карина воинственно сложила руки на груди.

– А твой любезный штабс-капитан не рассказывал, как его шавки обращались со мной?

Игорь смутился и не сразу нашелся, что ответить.

– Карина, дорогая, его тоже можно понять. Нешуточное дело, – перешел он на доверительный шепот. – Государственной важности! Такая у них работа, им не до сантиментов.

Она уперлась лопатками в дверь. Может, я все еще ворочаюсь на жестких досках, и мне снится страшный сон, подумала Карина.

Муж огляделся по сторонам, будто искал того, кто ему подскажет, что теперь делать.

– Подожди, Карина! – он озадаченно взъерошил волосы. – Я что-то туго соображаю. Я же совсем не то хотел сказать. Прости! Сам не понимаю, что говорю. Я ведь тоже под ударом! Не будь эгоисткой! Чем я заслужил? Я так долго терпел

вашу как бы дружбу! А теперь моя карьера может пойти коту под хвост!

Игорь рухнул на стул, пригладил шевелюру и обхватил голову ладонями.

– Прошу тебя! Ты возомнила себя кем-то вроде Жанны Д'Арк? Так это не твоя роль, дорогая! Кому теперь нужны бессмысленные подвиги. Делай, что они говорят, и забудем, как страшный сон. Обещаю, я сделаю все, что захочешь. Ты хочешь, чтобы мы завели ребенка? Хорошо, пусть так, я готов. Но перестань упираться!

Карина зажмурилась. Кошмар не прекращался. Только за какую часть тела себя ущипнуть, чтобы развеять наваждение? Чтобы забыть прозвучавшие слова. Чтобы Игорь вновь оказался любимым человеком.

– Напрасно ты пришел.

Она из последних сил не позволяла голосу сорваться. Отвернулась, пряча выступившие слезы, выглянула в коридор и сказала конвоиру, что они закончили.

Карина только обсудила с соседками по камере, скоро ли ожидать очередной тошнотворной трапезы, как ее вызвали с вещами. «Ну, держись, подруга! – напутствовала самая молодая проститутка. – В „Кресты“ переводят, наверное».

В хорошо знакомой комнате для допросов ее ждал штабс-капитан. Он стоял у окна и вглядывался в сумерки. Аббасов молчал до тех пор, пока конвоир не снял с нее наручники.

– У меня на родине принято, что женщина во всем слушается мужчину, – заговорил он, продолжая высматривать что-то за стеклом. – Это правило жизни, с которым никто не спорит. Я – мужчина, мое слово – закон. Так заведено! А здесь... Никак не могу привыкнуть, что у вас по-другому. Все беды от этого. Сначала разрешили женщинам болтать. А потом сами стали, как бабы. И никто их уже не слушает. Даже их собственные жены.

Она была так измучена, что не нашла в себе ни сил, ни желания поспорить.

Есть ли у него жена? Карина представила бессловесное существо, скрывающееся под хиджабом. Она шелестит тенью по дому, обретая плоть лишь в минуты хозяйской милости. Счастлива ли она? Наверное, вопросительный знак тут ни к чему, ведь она даже не поймет, о чем идет речь. Не исключено, что, получив свободу, она не знала бы, что с ней делать. Не стоит, Карина, ломиться в калашный ряд со своим самоваром за пазухой.

Штабс-капитан повернулся и посмотрел на нее строго.

– Напрасно мужа не послушала.

Карина не стала поправлять его, когда он перешел на «ты».

– Чем вы его запугали?

– Зачем пугать?! Он понял все сам.

Шуба в руках весила целую тонну.

– Хватит меня мучить. Делайте, что собирались.

– Вы правда считаете, что вся эта ситуация доставляет мне удовольствие?

Она презрительно фыркнула.

– На всякий случай спрошу в последний раз: вы подпишите показания?

Карина отрицательно покачала головой.

– Преданность дружбе достойна восхищения. Но взгляни с другой стороны: разве ты не предаешь своего мужа, свою семью? И ради кого! Ради уголовника! Только ли в дружбе дело?

– Собрались заболтать меня до смерти? – устало поинтересовалась она.

– Ты защищаешь Арчибальда вместо того, чтобы спасти семью. Вывод напрашивается сам.

– Думайте, что хотите.

– Я просто рассуждаю вслух. Выходит, к Полунину ты испытываешь более сильные чувства, чем к мужу. Кого же из них двоих ты любишь?

Как назло, в голову не приходило ничего дельного. Глупость же, и так понятно, что по-своему Арчи она, конечно, любит, но это совсем другое.

– Ты уверена, что тут собрались изверги, готовые шутки ради сгноить невинного парня. Думаешь, он безгрешен. Ты ошибаешься, но переубедить тебя мне надоело.

Штабс-капитан замолчал, и Карина принялась считать в уме. Ему явно не давали покоя лавры выпускника шко-

лы-студии МХАТ! Она дошла до третьего десятка, прежде чем он опять заговорил.

– Я могу отправить тебя по этапу, но буду милосерден, как нас учит Аллах! – искренность в его голосе можно было черпать ложкой. – Я вижу перед собой всего лишь женщину, которая запуталась в своих отношениях. Я дам тебе время во всем разобраться.

Карина чуть не уронила шубу на пол.

– Я отпускаю тебя, – подтвердил штабс-капитан. – Никаких уловок.

– Я могу идти?

– Можешь. Нет смысла требовать, чтобы ты сообщила, если встретишь Арчибальда – все равно обманешь, – и он погрозил ей пальцем.

Выйдя на крыльцо районной жандармерии, она едва не упала, таким неожиданно свежим, холодным, ярким показался ей воздух на воле. В очередной раз вспомнилась летняя ночь, когда она вытащила Арчи после поджога машин. Было почти также темно, а в глубине неба мерцали звезды. Ощущения похожие. Тогда все внутри вибрировало от бурлящего адреналина. Теперь тело дрожало от усталости и мороза.

Жаль, что бросила курить следом за Арчи. Сигарета теперь не помешала бы.

На стоянке перед зданием темная машина мигнула фара-

ми. Карина присмотрелась и узнала BMW супруга. Она была готова поддаться слабости, ведь больше всего на свете хотела оказаться в тепле. Но, вспомнив последний разговор, Карина стиснула зубы, гордо обошла иномарку стороной и побрела к ближайшей остановке.

Арчи слышал истории про опытных автостопщиков, которые на попутках пересекали всю страну, не заплатив за проезд ни копейки. Но сам он в этом вопросе ничуть не разбирался. Сначала выложил пару тысяч водителю государственной экспедиторской компании, который довез его почти до самого Новгорода. Шофер попался как назло разговорчивый и всю дорогу пытался вызнать у Арчи, кто он, откуда и почему ловит попутки, вместо того, чтобы сесть на междугородний автобус. Вряд ли этот зануда поверил путаным объяснениям про проданные без остатка билеты и срочную необходимость добраться до Питера, но других идей у Арчи не нашлось. «Билетов нет? Ишь ты, кто бы мог подумать», – присвистнул он и сосредоточил свое внимание на занесенной снегом трассе.

Экспедитор высадил Арчи возле заправочной станции в десяти километрах от Новгорода. В кафетерии молодой человек пристроился за столик к шоферу, который перед этим у него на глазах заправлял фуру с питерскими номерами. Уже немолодой мужик оказался куда менее любопытным, но жадным. Он коротко назвал свою цену и просто ждал, пока странный парень согласится.

В кармане у Арчи осталась смехотворная сумма, с которой добраться до нелегалов в Сибири не представлялось воз-

возможным, даже если бы они там действительно обретались. Решить материальный вопрос он рассчитывал при встрече с Кариной. Только ей он мог доверять на все сто.

По пути в город Арчи много думал над рассказом Профессора о дяде. С одной стороны, старику незачем было врать. Но поверить, что дядя отдал приказ их зачистить? Это не укладывалось в голове. Арчи уже сомневался в том, что увидел. Да, Могильщик упаковал мертвое тело. А где подтверждения тому, что именно он виновен в смерти Профессора? Поспешные выводы основывались на скверной репутации Могильщика, не раз запятнавшего себя кровью, и предположениях больного человека, который вполне мог заблуждаться. Не слишком надежное основание, чтобы строить далеко идущие выводы, решил Арчи. Для начала следовало оценить, чего стоят тайны Профессора. Зашифрованные архивы – это козырь, если подозрения в отношении дяди окажутся небеспочвенны.

Мысли о неизвестном отце тоже не давали покоя. Нужно ли добиваться от дяди признания, как его имя? Одно время Арчи казалось, что он ненавидит отца за одно то, что тот не преодолел упрямство матери, зациклившись на идее стать идеальным родителем-одиночкой. Потом обида прошла, и Арчи стало просто все равно. Он смирился и принял неоднократно озвученную позицию матери: «В каком-то смысле отца у тебя никогда и не было. В мою историю он попал случайно, мимолетно. Здесь ему делать нечего». После ее смер-

ти, когда он впервые почувствовал себя самым одиноким существом в мире, Арчи мог ухватиться за идею найти отца. Однако весьма кстати свое плечо подставил дядя, какие бы цели он ни преследовал. А теперь он вновь задался вопросом, чья кровь течет в его жилах.

Арчи несколько часов присматривался к дому Карины. Его интересовали подозрительные личности и автофургоны. Но в ближайших окрестностях именно он выглядел самой подозрительной фигурой. Чтобы не торчать столбом посреди проспекта, он обошел ближайшие магазины. Прислушавшись к урчанию в животе, купил пару пирожков в гастрономе и умял их прямо на морозе.

Зажглись уличные фонари. В их тусклом свете сгорбленные темные силуэты пробирались мимо сугробов. Арчи не спешил, продолжая следить за подъездом Карины. Она появилась в начале седьмого. Шагала к дому от остановки, устало переставляя ноги. Как-то странно. Обычно Игорь подвозил ее на машине. Почему она одна? Арчи подумывал ее перехватить, но решил, что лучше не заговаривать у всех на виду. Он пристроился метрах в десяти позади и юркнул за ней в подъезд, пока дверь не успела закрыться. Услышав топот, она испуганно обернулась. На лестничной площадке горел яркий свет, и Карина несколько секунд шурилась. Потом узнала Арчи, спустилась на пару ступенек и замерла.

– Привет.

Она не ответила. Он увидел свое отражение в ее заблестевших глазах. Карина вздохнула и вlepила ему пощечину. Удар получился несильным, но Арчи отшатнулся и чуть не упал. Он озадаченно потер скулу и потряс головой.

– Это, прости, за что?

У Карины было странное выражение лица. Что она собирается сделать в следующую секунду? Снова ударить, расплакаться или повиснуть у него на шее? На всякий случай, он приготовился к пощечине.

– Что случилось? – спросил он, встав вполоборота, чтобы можно было уклониться.

– Что случилось? Меня арестовали в твоей квартире. Меня бросили в камеру к обозленным шлюхам. Мне сказали, что ты убил секретного агента жандармерии. Меня вынуждали подписать показания против тебя. Меня оскорбляли и унижали, – Карина перечисляла свои злоключения, глядя поверх его головы. – Вот, только что отпустили.

Скорее всего, у него был очень глупый вид – стоял столбом с открытым ртом и не находил, что сказать в ответ. Карина немного подождала.

– Арчи, я с ног валюсь. Можно я домой пойду?

Он представил, что она пережила. По совести, Арчи не имел больше права просить ее о помощи. Но идти ему было не к кому.

– Ты же не поверила, что я кого-то убил? – опустив глаза, тихо спросил он.

Она повернулась и пошла вверх, задерживаясь на мгновение на каждой ступеньке.

– Стала бы я иначе все это терпеть, – сказала Карина, не оборачиваясь.

Арчи поплелся следом. Как побитый щенок. Побитый и виноватый.

– Тебя жандармы ищут.

– Догадываюсь.

Карина вызвала лифт.

– Если хочешь, я уйду, – предложил он.

– Куда ж ты пойдешь, горе мое, – вздохнула она и несколько раз подозрительно принюхалась. – Похоже, тебе не мешало бы помыться.

– Думаю, тебе тоже.

Они оба грустно улыбнулись.

Пришел лифт. Арчи пропустил Карину вперед и нажал кнопку десятого этажа. Она прислонилась к стенке и прикрыла веки.

– Не думал, что все пойдет так далеко. От меня это не зависело. Честно.

Карина открыла глаза и посмотрела на него в упор:

– Давай позже обсудим.

Открывая входную дверь, она замешкалась.

– В чем дело? – спросил он.

– Мы с Игорем немного не в ладах. Подожди, пока я выясню, дома ли он.

– Это из-за меня?

Ответа не последовало, но сомнений в том, кто виновен в семейном разладе, не возникало.

Арчи спустился на пол-этажа ниже к мусоропроводу. Он слышал, как клацнул замок и хлопнула дверь. Возможно, все-таки следует уйти. Из-за него Карине и так пришлось пережить слишком много. Мысль о том, что он причинил ей столько боли, была невыносима. Арчи многое отдал бы за одну сигарету.

Ноги приняли решение самостоятельно. Он не заметил, как начал медленно спускаться по лестнице. Тут скрипнула дверь, и тихий голос позвал его. Он замер и задержал дыхание.

Раздалось шарканье шлепанцев, и в лестничный пролет высунулась Карина.

– Ну, чего не идешь?

Арчи приходилось время от времени трясти головой, чтобы ненароком не заснуть. Вода была горячей на грани терпимого, но ему это и требовалось. В последние дни он каждую минуту испытывал чувства холода. Поэтому развалившись на дне наполненной почти до краев ванны, он мечтал, чтобы это блаженство никогда не прекращалось.

Сквозь закрытую дверь было слышно позвякивание посуды на кухне. Он предлагал ей первой пойти в душ, ведь Карина сама натерпелась всякого, но она не пожелала его слушать,

сказала, что пока займется ужином, а расслабиться успеет потом. Оказавшись в родной обстановке, она приободрилась и выглядела весьма целеустремленной. Спорить с ней в такие минуты было бесполезно, так что Арчи сдался с облегчением, которое вызвало определенные угрызения совести.

Арчи привык изображаться доброжелательное отношение к Игорю, но в глубине души всегда испытывал ревность, поскольку приходилось делить с ним Карину. Не в физическом, разумеется, смысле. Он никогда не позволял в этом признаться даже себе, однако Арчи, безусловно, стал бы счастливее, если Игорь и Карина развелись бы. Размолвка Карины и Игоря могла бы его обрадовать. Но Арчи помнил, что сам стал тому причиной, а такой бумеранг рано или поздно шарахнет его же по лбу.

– Эй, ты там не утонул, рыбка моя? – раздалось из-за двери. – Поторопись, ужин на столе.

Арчи открыл глаза и потянулся вытащить затычку из сливного отверстия.

– Сейчас, пять минут, – крикнул он.

На выбор было четыре мочалки разной степени жесткости и два куса шершавой пемзы для чистки ступней. Ему вспомнился собственный спартанский быт в квартире на Светлановском. Остается только гадать, когда у него снова появится что-нибудь похожее на собственное жилье. Арчи вздохнул и хорошенько намылился, пытаясь снять с себя всю грязь последних дней.

Упругие струи воды барабанили по затылку и стекали по хребту, создавая в голове приятный ровный шум, который прогонял прочь любые мысли.

Грязная одежда крутилась в стиральной машине. Карина положила ему на смену старые джинсы Игоря и свою безразмерную рубашку в клетку, которую использовала как домашнее платье. Посмотрев на себя в зеркало, Арчи остался доволен, хотя штаны оказались слегка велики.

На плите стояла глубокая сковорода, в которой скворчали куски мяса вперемежку с картофелем и фасолью. Карина сидела у стола, прислонившись к стене, и дремала. Арчи тихонько позвал ее. Она встрепенулась и легко улыбнулась.

– Извини, что ударила тебя на лестнице.

– Я все понимаю. Ерунда.

– Вот уж вряд ли, – она скептически покачала головой. – Видел бы себя со стороны. Ты был похож на филина, которого вытащили на дневной свет.

– Ой-ой, кто бы говорил! Сама глазами хлопала.

– Но-но, без грубостей!.. – Карина встала. – Я, с вашего позволения, полезла в душ, а вы, сударь, пока можете отвезать, чем бог послал.

– Лучше дождусь тебя.

– Играешь в джентльмена? Похвально, но слишком поздно. Ладно, постараюсь быстрее.

Она направилась в ванную комнату. Арчи окликнул ее:

– А что делать, если Игорь появится?

– Можешь не волноваться. Он будет позже.

– Ты уверена?

– К сожалению, да, – ответила она и помахала на прощанье рукой.

Зашумела вода.

Арчи поднял крышку и перевернул жаркое на сковороде деревянной лопаткой. Потребовалась вся выдержка и даже сверх того, чтобы не наброситься на еду.

Нужно было как-то отвлечься, и он включил ТВ-панель. Ни на одном из каналов он не задерживался дольше нескольких секунд.

В передаче для пенсионеров «Старость не порок» накрашенный ведущий по очереди угрожал растерянным гостям, целясь в них микрофоном. В игре «50 на 50» участники угадывали физиологический и фактический возраст друг друга; победителю полагался дополнительный год жизни на пенсионный счет и призовая доза сыворотки. На молодежном канале серьезный бородач в повязанной на шею «арафатке» рассказывал полуголой девице о том, какие бесчеловечные зверства устраивали Воины Христовы в походах за Гроб Господень и как терпели эти мучения смиренные правоверные.

В выпуске новостей на центральном госканале диктор андрогинной внешности бесцветным голосом зачитывал сводку последних событий в европейском штате Итала, где третьи сутки продолжались народные волнения, спровоцированные массовым расстрелом демонстрантов, которые пыта-

лись взять штурмом римскую витастанцию компании «Феникс». Из сюжета, смаковавшего кровавые подробности, рождались подозрения, что журналисты получают особое удовольствие, когда выпадает возможность показать ужасы, творящиеся за границей. Вряд ли это их личная инициатива. Они показывают, что от них требуют. По заведенному ритуалу, после шокирующих репортажей из-за рубежа полагалось пустить в эфир жизненную историю, которая недвусмысленно продемонстрировала зрителям, насколько им повезло родиться в таком стабильном и ответственном перед своими гражданами государстве, как Триумvirат Российский. Арчи не стал дожидаться и выключил ТВ-панель.

Про особенности распределения социальной справедливости на родине Арчи знал достаточно, чтобы люто ненавидеть эту систему. О том, как на самом деле устроена жизнь за границей, он представлял не столь определенно. Кое-что слышал от матери, кое-что подсмотрел в Сети, миновав пограничные файерволы через анонимные прокси-серверы. Но и этого было достаточно, чтобы сомневаться в правдивости новостных выпусков. Вряд ли в Евроштатах все было просто расчудесно, но уж точно лучше, чем здесь. Арчи мечтал убедиться в этом на собственном опыте. Попасты в другой мир, который существует рядом, на этой же планете. А пока что кадры из-за границы он воспринимал примерно так же, как описания быта марсиан в книжках Филипа Дика.

В ванной перестал шуметь душ. Зашуршало полотенце...

Так, стоп! Представлять, где сейчас скользит это полотенце, совсем лишнее!

Через минуту Карина вышла в банном халате. Волосы на голове были еще влажные и падали на лоб легкомысленными завитками. На шее блестели капли воды. Щеки покраснелись, а глаза смотрели веселее. Она жестом запретила Арчи вставать и сама разложила жаркое по тарелкам.

Они, не стовариваясь, сосредоточились на еде и на разговоры не отвлекались – оба слишком проголодались. Наплевав на столовый этикет, Арчи вычистил тарелку, собрав остатки подливки кусочком хлеба. Помнится, мать его за такие вольности шлепала по рукам, но Карина только озорно подмигнула. Он откинулся на спинку стула, медленно и с наслаждением потягивая из бокала пиво.

– Поговорим серьезно? – предложила Карина.

– Давай.

– Почему они решили, что ты убил их человека?

– Наверное, потому что знают, что я был там, когда он погиб.

– Во-первых, где это «там»? И что за формулировка такая – «погиб»? В результате несчастного случая, что ли?!

– Возникла критическая ситуация, я ничего не мог поделать. Оказался в роли статиста.

– И его убили?

Арчи кивнул.

– Кто?

– Только не обижайся, но, думаю, в твоих же интересах знать как можно меньше.

На секунду ему показалось, что она сейчас плеснет ему пиво в лицо. Он, случалось, уже видел этот гневный взгляд. Однако Карина быстро взяла себя в руки.

– Даже если так, ты меня уже втянул во все это.

Как ни прискорбно, но она была права.

– Прости, если можешь, – тихо попросил он.

– Брось, – она отмахнулась. – Лучше признайся: дядя Ленья тебя втянул, да? Я ж не дура, кто еще... Чем вы таким занимались, что дело дошло до стрельбы? Это все из-за наркотиков?

– Ну что ты! – возмутился Арчи. – Никаких наркотиков, Карина. И заруби на носу, что дядя мой тут не при чем!

– Хватит уже его выгораживать. Пойдешь за него на каторгу?

– Не собираюсь я на каторгу.

– Думаешь, жандармы тебя не найдут?

– Пока же не нашли.

– Вот именно – пока! – ее голос дрожал от негодования. – Всего лишь вопрос времени. Не лучше ли рассказать им, как все было на самом деле?

– Ты не понимаешь, о чем говоришь, – он поклат опустевший бокал между ладоней. – Если выложу то, что им нужно, я им больше буду не нужен. И тогда мне точно конец.

Она смотрела на него, широко раскрыв глаза, и не реша-

лась моргнуть. Протянула руку через стол и накрыла его ладонь своей. Чуть заметно сдавила пальцы.

– Ты не волнуйся, – нарочито бодро заявил Арчи. – Я исчезну, по крайней мере, на время. Никто меня не найдет. Они потеряют к тебе интерес, и все будет хорошо.

– У вас, сударь, неисчерпаемый запас оптимизма, – печально сказала Карина, склонив голову к плечу.

Да уж, и соответствующий дар убеждения прилагается.

– Я все придумал. Я найду поселенцев в Сибири.

Такого поворота она явно не ожидала.

– У них я буду в безопасности. К поселенцам не суются ни жандармы, ни агенты Пенсионного фонда.

Карина убрала руку.

– Полунин, ты в своем уме? А я-то, дура, уши развесила. С чего ты взял, что поселенцы вообще существуют?!

– По крайней мере, у меня есть шанс выяснить это наверняка, – попробовал Арчи подтвердить свой оптимистический настрой. – Либо они есть, либо нет. Третьего не дано.

– Детский сад, штаны на лямках. Предположим, – она эмоционально жестикулировала, – только предположим, что это не сказочки для дураков и поселенцы действительно существуют. Как ты планируешь до них добраться с жандармами на хвосте?

– Ты сразу нашла самое слабое место в моем плане. У меня элементарно нет денег на дорогу.

Хлопнула входная дверь. Арчи чуть не подскочил. Карина

смугилась, но тут же собралась и попросила его сидеть спокойно.

Из прихожей доносилась невнятная возня: шуршала одежда, раздавались крик и вздохи, гремели плечики на вешалке. Затем в коридоре возник Игорь, придерживаясь рукой за стену. Он был безобразно пьян. Пиджак расстегнут, рубашка выбилась из-под брючного ремня, несколько нижних пуговиц оторваны и через расплывшиеся края материи проглядывал заросший курчавым волосом живот. Галстук распущен, белый воротничок измазан какими-то бурыми пятнами. Глаза у Игоря были шальные. Он выпятил влажно поблескивающую нижнюю губу.

– А вот и вы, голубчики, – произнес Игорь, сглатывая окончания.

– Привет, – на всякий случай подал голос Арчи.

Игорь погрозил ему пальцем.

Карина без лишних церемоний схватила супруга за рукав, потащила за собой, не обращая внимания на его вялые попытки сопротивляться, и втокнула в ванную.

– Сначала приведи себя в порядок, будь так добр! – строго сказала она и закрыла его снаружи.

Оставшись стоять под дверью, она сложила руки на груди. Ноздри раздувались в такт учащенному дыханию.

– И часто с ним такое бывает? – спросил Арчи и тут же подумал, что допустил бестактность.

Из ванной комнаты послышался плеск. Карина перевела

дух и вернулась за стол.

– Не обращай внимания. Обычно мы ограничиваемся парой тумачков и битьем посуды, – скривилась она, понимая, что шутка получилась скверная.

Пожалуй, пришло время сменить тему.

– Мне нужно кое-что посмотреть в сети. Можно?

Она принесла планшет и положила на стол перед Арчи. Он запустил терминал удаленного доступа. Попытка по памяти набрать адрес резервного сервера Профессора успехом не увенчалась. Он машинально похлопал себя по карманам в поисках бумажки с каракулями старика и похолодел от ужаса, испугавшись, что оставил ее в одежде, которая последний час крутится в барабане стиральной машины. Арчи метнулся в прихожую и вздохнул с облегчением, обнаружив записку в нагрудном кармане куртки.

Карина только похихикала над ним.

– Занимайся своими делами, а я проверю, как там мой ихтиандр, – сказала Карина и удалилась.

Имя пользователя Профессор не указал, поэтому Арчи наудачу вбил «admin», а затем непроизносимый пароль «nbVehbtujrjvfylyf33». Только набрав на клавиатуре, Арчи обнаружил, что в русской раскладке он означает «тиМуриего-команда33», и невольно улыбнулся.

Авторизация на сервере прошла успешно. Арчи охватило волнение: он совершенно не представлял, что ему откроется. Бог его знает, каким птичьим языком записаны черновики

старого ученого. Скорее всего, их просто не понять без специального образования, которого Арчи как раз и не хватало.

На сервере в основном хранились текстовые файлы. Профессор не трудился их сортировать, и они просто лежали одним списком в корневой папке. Названия некоторых документов были понятны (например, «Повреждения нервной системы и психотические реакции в результате воздействия установки „Морфей“»), других – понятны относительно («Реакция подопытных КЧ-11 и РЕ-09 на инъекцию 2 мл тоназина»), а какие-то непонятны совсем («Концентрация погерина в органах пациентов с синдромом Хатчинсона-Гилфорда после инъекций тоназина»).

«Обнаружено неожиданное побочное действие тоназина, – писал Профессор. – У испытуемых с нормальными показателями здоровья оно практически не выражено. Поэтому затруднительно провести количественную и качественную оценку. Для точных исследований нужны больные синдромом Хатчинсона-Гилфорда, у которых наблюдается повышенная концентрация мутировавшего погерина в тканях».

Арчи открыл поисковик и нашел описание синдрома Хатчинсона-Гилфорда. Выяснилось, что это редкое генетическое расстройство, приводящее к стремительному старению детей и смерти при достижении примерно двенадцати лет. Болезнь провоцирует скопление мутировавшего протеина

погерина в каждой клетке тела, вызывая дефекты и быстрое старение клеток.

Очень любопытно. Профессор разработал тоназин как вспомогательный инструмент для стимуляции гипоталамуса и гипофиза при погружении. Причем здесь погерин?

«Поразительный эффект! – отмечал Профессор. – У всех испытуемых после недельной терапии тоназином концентрация погерина в тканях снизилась практически до нулевых показателей. То есть дальнейшее старение клеток остановлено. К сожалению, сейчас у нас нет ни средств, ни времени на дальнейшие исследования в данном направлении, поскольку цель нашего проекта – управление памятью. В дальнейшем, конечно, необходимо проверить, насколько устойчивый результат дает тоназин, какие последствия он оказывает на функционирование гипоталамуса и гипофиза. Очевидно, что я не предусмотрел все аспекты воздействия тоназина. Пока могу предположить, что он стимулирует выработку гормонов, действие которых сходно с рапамицином, вымывающему погерин из клеток. Над этим нужно подумать».

Из ванной доносился приглушенный шум перепалки. Арчи прислушался, но не разобрал ни слова. Надо поскорее заканчивать с архивами Профессора и уходить. У Карины и без него забот хватает. От мысли о прощании с Кариной (думать о том, что навсегда, было тошно, но пришло время реально смотреть на вещи) неприятно засосало под ложечкой, а на плечи будто положили пару пудовых гирь.

Среди мудреной документации Арчи нашел файл с подробным описанием технологии получения тоназина и устройства «Морфея». Естественно, он мало, что понимал в химических формулах, но и так было ясно: перед ним главное достижение Профессора, оценить стоимость которого, пожалуй, невозможно. Козырной туз или джокер?

Профессор считал, что жандармы открыли охоту за ними, чтобы дотянуться до архивов. Им нужен «Морфей». Мы же сами и нашли «Морфею» наилучшее применение. Триумвирату осталось только получить его в свои руки и грамотно распорядиться. Многие очевидные проблемы, связанные с работой Центров покоя, разрешаться сами собой.

Его внимание привлекла группа файлов, у которых вместо названий стояли только числовые обозначения времени создания. Арчи ткнул в документ, который совпадал с годом его рождения. Тут обнаружили личные дневниковые заметки Профессора, не связанные напрямую с исследованиями. Арчи почти сразу наткнулся на упоминание о матери: «Света Полунина ушла в декретный отпуск. Жаль. Смышленная девчонка, могла бы многого добиться. Но эта беременность... Мне показалось, она воспринимает ее как своего рода крест, испытание, которое она должна вынести, выдержать, причем, почему-то в одиночку. Она так раздражается, когда ее спрашивают об отце ребенка. Я понимаю отчасти ее реакцию. Лучше никому не знать, кто он. Связь с иностранцем может заинтересовать „тонтон-макутов“, а зачем моло-

дой матери такая нервотрепка. Я обещал хранить молчание. И слово свое сдержу».

Сердце забилося с удвоенной частотой. Арчи прокрутил документ до конца, но больше не нашел ничего интересно-го для себя. Тогда он открыл файл, датированный годом ранее. Планшет пришлось положить на стол, чтобы случайно не выронить из дрожащих пальцев.

Вот оно: «Познакомились с Х. Перекинулись парой фраз. Он ранним утром прилетел из Лондона и еще не успел восстановить силы. Полунина вызвалась познакомить его с достопримечательностями Петрограда. Почему бы и нет, лучше она, чем приставленная комитетчиками гид-переводчик, которая больше слушает, чем переводит». Арчи перелистнул пару страниц и нашел еще одну важную заметку: «За ужином Х. постоянно оказывал знаки внимания Полуниной. Меня это не касается, но я предупредил ее, что наш гость надолго не задержится. Кажется, она не придавала этому никакого значения. Вообще, Х. не слишком впечатлен нашими результатами, и переговоры о совместных исследованиях, похоже, зашли в тупик. Единственный раз он проявил живой интерес, когда я вскользь упомянул о побочном влиянии тоназина на концентрацию погерина. Нехорошо так думать, но хоть бы Полунина сыграла в нашу пользу...». Сколько Арчи ни искал, больше о таинственном иностранце не было сказано ни слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.